

ЗАПИСКИ и ПРИЗНАНІЯ ПСОВАГО ОХОТНИКА.

Осень 1906 года.

Шесть недѣль отъѣзда въ средней и
южной Россіи.

*Посвящается Августѣйшему возсозда-
телю псовой борзой и покровителю родной
утѣхи ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫ-
СОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИ-
КОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ.*

«Гой, ты, охота псовая!
Забудутъ все помѣщики,
Но ты искони русская
Потѣха, не забудешься
Ни во вѣки вѣковы» *).

Какъ будто и не по плечу взялъ я на себя за-
дачу описать, вѣрно, увлекательно передать, худо-
жественно нарисовать и провести передъ глазами
ареопага рѣдкихъ, но зато истинныхъ псовыхъ охот-
никовъ, какъ въ калейдоскопѣ, или панорамѣ всѣ
шесть недѣль чуднаго сна и возстановить предъ
ними въ правдивой, вѣрной картинѣ невозвратимое.

*) Если бы авторъ возсталъ изъ мертвыхъ, то навѣрное отказался бы
отъ своихъ словъ, полныхъ могучей вѣры въ самобытность и будущее
русскаго помѣщика и ужаснулся бы, увидѣвъ разоренныя гнѣзда, сожжен-
ныя усадьбы — результатъ невѣжества и дряблости нравственной, чтобы
не сказать трусости, нынѣшняго поколѣнія. Не то, что псовую охоту —
дѣдовскую потѣху забыли, стыдъ — и тотъ забыли они.

Для этихъ истыхъ, твердыхъ духомъ псовыхъ охотниковъ я беру на себя смѣлость писать; не вѣрю и не повѣрю, чтобы настоящаго, кровнаго борзятника судьба могла бы довести до уничтоженія всѣхъ поголовно борзыхъ его любимцевъ. Нѣтъ, этого не можетъ быть. Хоть двѣ, хоть одну свору, но онъ составитъ, если не для поля, то хоть для души. Конечно страстно хочу, чтобы на будущій годъ эти событія повторились—чтобы я могъ травить не хуже этого года, но травли минувшія, травли лихія въ степяхъ Малороссіи, тѣ миновали до будущаго года. Миновали и дни бурнаго охотничьяго восторга, сопровождавшіе поразительныя по количеству звѣря Першинскія поля. Но еще звучитъ въ ушахъ чудовищный по силѣ и красотѣ звука аккордъ 40 смычковой стаи Августѣйшаго Хозяина. Чарующе захватываетъ до сихъ поръ вся истинно охотничья обстановка Першинскихъ охотъ. А въ эти сѣрые мрачныя ноябрьскіе дни еще ярче возстаютъ въ памяти краса и гордость всей охоты псовой, такіе брилліанты чистѣйшей воды, какъ «Армавиръ» и «Таскай», про сукъ и говорить нельзя, ни то что писать, о нихъ можно только мечтать, вздыхать и чувствовать, какъ душой овладѣваетъ охотничье очарованье и трепеть. Какъ весь проникаешься удивленіемъ передъ тѣми людьми, настойчивостью, умѣньемъ, чутъемъ и любовью коихъ достигнуты въ столь короткое время такіе результаты. Беру на себя отъ лица всѣхъ истинныхъ псовыхъ охотниковъ нашей матери Россіи выразить ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ удивленіе, восторгъ и глубокую благодарность за то, что наша „искони русская потѣха“, вновь воскресшей, возсіяла и ярче прежняго, благодаря несравненной по красотѣ и рѣзвости псовой, превзошедшей своихъ предковъ. Вѣчная благодарность Его Высочеству отъ тѣхъ псовыхъ охотниковъ, которые не забыли, что они русскіе, у которыхъ не перевелись еще псовые, или борзые вообще, и которые, благодаря истинной царской щедрости, по-

лучили изъ Першина заводскій матеріалъ, поддержавшій и возстановившій и типъ въ собакахъ и страсть въ хозяевахъ.

I.

Воспоминанія незримая рука
Развертываетъ мнѣ минувшаго страницы;
Отъѣздъ, азартный стаи гонъ,
Броскомъ поддѣтыя лисицы,
Разлуки грусть, для рифмы напишу—
Веселый шумъ столицы.

Перефразировка читаннаго когда-то.

Послѣ скучнѣйшихъ и тщетныхъ поисковъ 3^{1/2} бѣляковъ по роднымъ мѣстамъ въ продолженіе двухъ недѣль, я неожиданно былъ обрадованъ телеграфнымъ приглашеніемъ Его Высочества пріѣхать въ Першино. Что говорить? Всякій на моемъ мѣстѣ пойметъ и безъ словъ, что произвела въ душѣ моей эта телеграмма! Какой наплывъ охотничьихъ надеждъ и страсти она принесла! Не мудрено—за 3 послѣдніе года я почти не травилъ, а въ 1905 г. на свою свору затравилъ одного русака! въ 1906 г., до этого счастливаго дня—ни одного! Конечно вспомнилась поговорка: „и хочется и колется и т. д.“, какъ нельзя болѣе кстати, т. к. съ борзыми, еле знакомыми съ зайцемъ, ѣхать въ Першино, вести на судъ своихъ собакъ къ такому судѣ, какъ Великій Князь, было жутко, это говорить нечего. Но приходилось выбирать изъ двухъ золъ: либо окончательно загубить своихъ борзыхъ въ тщетныхъ поискахъ дома, по пустыннымъ полямъ, сплошь устланнымъ льномъ, съ утра до вечера ругаться съ бабами и мужиками, претендующими за ѣзду по разостланному драгоцѣнному льну, и истрепать нервы въ конецъ, либо ѣхать въ обѣтованную землю съ неумѣющими ловить борзыми, отвыкшими и непривыкшими скакать. Я выбралъ послѣднее. Будь, что будетъ, и «перешелъ Рубиконъ». Но извѣстно, что

въ критическихъ положеніяхъ одной бѣды не бываетъ; такъ и со мной. Передъ выѣздомъ двѣ рѣзвѣйшихъ молодыхъ собаки расшиблись и брать ихъ съ собой было нельзя. Третью, тоже ушибшуюся взялъ, но, какъ оказалось потомъ, напрасно — она послѣ первой же травли въ Першинѣ вновь захромала и такъ и пролежала всѣ 3 недѣли. Выбралъ я, съ грѣхомъ пополамъ, 7 собакъ: 5 первоосенниковъ и 2 по 2 осени, взялъ двухъ $\frac{3}{4}$ кров. кобыль и отправился *dahin wo die Zitronen blühen* не «съ огнемъ въ груди и съ жаждой мести», какъ поется въ старинномъ романсѣ, а со страхомъ и теплящейся надеждой, что хоть поскакать придется собачкамъ, а о пойманныхъ русакахъ я мечтать не смѣлъ — гдѣ ужъ намъ „съ суконнымъ рыломъ да въ калачный рядъ“. Собаки мои благополучно прибыли на 3 день моего приѣзда. Денекъ отдохнули, и на слѣдующій день насталъ день моего и ихъ испытанія. Брала ближнія мѣста — Павшинскій островъ и Павшинскія болотины. И тотъ и другія — лисьи мѣста. День хотя былъ и солнечный, но страшный вѣтеръ рвалъ, рвалъ листья, рвалъ нервы и безъ него натянутые предстоящимъ «опытомъ». Стоя на лазу, я могъ только любоваться работой гончихъ, добиравшихся по зайцамъ. То и дѣло, стоя на бугру, я наблюдалъ, какъ сѣро-пѣгая стая, какъ стадо бѣлыхъ лебедей, выносилась въ поле и, разсыпавшись по разнымъ направленіямъ, добывала упалаго. Трудно гончимъ было чують — вѣтеръ сдувалъ слѣдъ. Мнѣ ничего не было слышно, — вѣтеръ рвалъ немилосердно. Вправо и влево неподвижно вырисовывались темные силуеты своръ съ бѣленькими пятнышками у ногъ лошади — борзья. Никто, долго никто изъ видныхъ мнѣ охотниковъ не травилъ. Какъ вдругъ за спиной у себя слышу отчаянное: ту, ту его, ту его... — травить побѣждавшаго изъ оврага бѣляка Н. И. К. Бѣлякъ очень рѣзво трафится въ посадки, у которыхъ я стоялъ, но его достала крас.-пѣг. сука „Злодѣйка“, угнала прямо въ свору мнѣ и бѣлякъ, сбитый съ направленія, мимо меня шагахъ въ 10 удираетъ подъ бу-

горь и поимку я уже не вижу. И вотъ тутъ, сейчасъ же во время возвращенія своры на мѣсто, Н. И. К. опять начинаетъ травить и опять мимо меня. Я не выдерживаю и, перескакавъ бѣгущаго шагахъ въ 100 русака, спускаю свору, предварительно протаскивъ на спинѣ споткнувшуюся первоосеннюю «Касатку». По началу — конецъ: русакъ велѣлъ кланяться и не поминать его лихомъ. — Безъ угонки! Не дурно для начала? А если прибавить, что на другомъ бугрѣ стоялъ Великій Князь, и что эта эффектная травля была у него вся на виду, освѣщаемая вдобавокъ солнцемъ, для полноты картины, то у него получилось и совсѣмъ хорошее впечатлѣніе, радующее мое сердце и веселящее его. Н-да, какъ провинившійся школьникъ возвращается домой съ полученной единицей, съ такимъ же бодрымъ духомъ подымался я по бугру на глазахъ у 10 своръ къ своему мѣсту. Неважно было на душѣ. Плохо. Но вѣдь подъ землю не провалишься, — разсуждалъ я. Сталъ. Для приличія-ли, для облегченія, или утѣшенія, какъ-бы желая загладить какую-то вину, поговорилъ съ моимъ Федоромъ, закурилъ и, замѣтивъ, что „Касатка“ уже на трехъ ногахъ, пришелъ въ еще болѣе радостное настроеніе. Слава Богу, что скоро былъ поданъ вызовъ, — быть въ движеніи все же легче. Разравнявшись, тронулись къ двумъ Павшинскимъ болотинамъ.

Чудная картина открылась передъ нами, когда мы выѣхали на холмы, окружающіе лугъ съ Павшинскими болотинами съ одной стороны, и рѣчку Упу, сверкающую подъ красными лучами заходящаго солнца, — съ другой. Болото, окруженное чистыми лугами и зелеными, все было у нашихъ ногъ. Лугъ этотъ настолько ровень, что, когда я наконецъ добрался на указанное мнѣ мѣсто въ дальнемъ исходящемъ углу, то я отчетливо видѣлъ, какъ въ верстѣ отъ меня впереди, прямо противъ лаза заводи́ли къ напуску красныя точки — доѣзжачій и выжлятники своихъ бѣлыхъ лебедей — сѣро-пѣгую стаю.

Вправо по холму—своры, далеко-далеко уходящія вдоль по гребню холма. Ихъ еле различаетъ взглядъ, это почти сплошь барскія своры. Отличить ихъ можно потому, что на одномъ лазу стоятъ двѣ и три лошади—хозяинъ, стремянной и запасная свора. На дальнихъ лазахъ даже не видно всадниковъ, такъ какой-то силуетъ, сливающийся съ чернымъ фономъ земли. Лѣвѣе на поблекшемъ лугу, огибая кольцомъ по берегу Упы заманчивое, таинственно-спящее пока болото, густо заросшее лозой и громадной болотной растительностью со множествомъ неуклюжихъ кочекъ, еле видны Великокняжескіе борзятники. Нѣкоторые еще идутъ на мѣста. Вотъ задній сталъ, за нимъ второй. Постепенно приближаясь ко мнѣ, слѣва сталъ Андреевъ на красно-сѣрой лошади. Видно, какъ вдругъ самый дальній сталъ травить. Что именно—невозможно разглядѣть, мелькаютъ бѣленькія точки, то растягиваясь въ одну линію, то вдругъ соединятся и повернутъ вправо, то влѣво, то сольются вмѣстѣ; вотъ еще одна свора подбросила, боясь, чтобы близкая опушка не спасла рѣзваго русака. Кажется поймали. Да поймали—бѣленькая группа остановилась, подскакали лошади и тоже остановились. Но чу,—несмотря на порывы вѣтра, чуть донесся какой-то отдаленный, какъ будто, знакомый уху и милый сердцу звукъ. Боясь ошибиться, взглядываю на свою свору. Нѣтъ не ошибся—борзья оживились, подняли ушки. Вотъ яснѣе, безошибочно доносится азартный ревъ стаи, красноватая точка—выжлятники быстрѣе замелькали, поспѣвая къ опушкѣ. На бугрѣ направо зашевелились темныя изваянія, вотъ они оживились; замелькали, отдѣлившись отъ лошадей борзья, а изъ болота выкатилась и стелется по черно-зеленому фону зеленей бѣлая стая. Какая это чудная картина! Вѣрно жестоко угнала барская свора звѣря: травля пошла обратно къ болоту по склону холма, встрѣчу стаи. На глазокъ взяли, видимо, и гончія, стая завернула, слилась съ насѣдающими и завстрѣчавшими ее отъ

болота выжлятниками. Хаосъ звуковъ усиливается, слышны хлопки арапниковъ и ясно все это долетаетъ до ушей вмѣстѣ съ видимой поимкой. Все остановилось. Вотъ подскакали борзятники, гончихъ отвернули и уводятъ опять въ болото. Звѣрь пойманъ. Все это происходитъ такъ далеко, что подробности не видны, кое о чемъ догадываешься, кое-что дополняетъ слухъ и опытъ. Но вотъ затихшій вѣтеръ вновь, но уже ясно позволяетъ различить гонъ, опять травятъ и гоннаго и разомъ еще двухъ шумовыхъ. Травли не стало видно, все скрылось за бугромъ. Гончихъ остановили у опушки. Заравнялись еще и опять подхватили что-то. Надрываются, ревутъ выкатившіеся выжлята. Вотъ теперь травить Великій Князь, скачутъ 4 всадника. Нѣсколько мгновений растянулъ было рѣзвый звѣрь борзыхъ, но гдѣ же ему соперничать съ цвѣтомъ всей охоты. Вотъ рѣзко угнали разъ за разомъ, а вотъ ужъ и образовалась неподвижная группа. Поймали. Эхъ, какъ рѣзвы собаки! Теперь, видимо, будутъ брать вторую, ближнюю къ намъ половину болота, раздѣленного широкой перемычкой. Такъ и есть! Но мои догадки разомъ прервалъ откуда-то взявшійся русакъ. Онъ такъ неожиданно выерзнулъ, что мои борзые чуть не сорвали меня съ моей «Малютки». Громадные Великаго Князя кобели «Узбекъ» и «Усладъ», мур.-пѣг. 19 и 19¹/₄ вершковъ ростомъ, рѣзво мимо меня насѣдаютъ по зеленымъ на подцвѣтшаго русака, который, заложивъ уши, проносится у моихъ ногъ и подъ шипцомъ у кувыркающихся моихъ борзыхъ. Что за громады эти кобели, что за махъ, что за рѣзвость, какая ловкость и сила спины нужна, чтобы такъ тасовать кверху въ мягкій бугоръ легкаго русака! Но русачокъ тоже «съ ножками» — не дается богатырямъ и угонки стали рѣже, бугоръ круче. Неужели уйдетъ? Уйдетъ. Видимо ослабли молодые кобели къ вершинѣ бугра. Но нѣтъ, вотъ наддалъ одинъ изъ нихъ, послѣднее усиліе, вѣроятно, дѣлаетъ, толкнулъ русака вправо, но не захвативъ закувыркался по зеленымъ. Травля скры-

лась за бугоръ. Только шапка борзятника мелькаетъ надъ бугромъ, но вотъ исчезла и она. Я такъ увлекся этой картиной, что для меня совершенно не существовало ни гона стаи, ни болота, ни лисицы, которую я внезапно увидѣлъ у себя впереди. Какъ змѣя, желая укрыться отъ человѣка, скользитъ по травѣ, такъ и лисица, растянувшись въ длинную яркую ленту, и косясь на меня, но не видя еще моихъ собакъ, а онѣ—ея, прижавшись почти вплотъ къ межѣ, беззвучно, толкаемая какой-то невидимой силой, какъ будто безъ помощи ногъ, скрытыхъ межой, надѣялась удалѣть отъ опасности. Травить или рано? Опушка, спасительныя кочки еще близки. Но вотъ она выбралась изъ-за неровности, борзые ее взглянули, рванулись. Рванулась и она въ поле и я сбросилъ свою свору. Отлегло отъ безумно бьющагося сердца. Улю-лю, улю-лю,—и накрывшая свора моя такъ и тасуетъ ловкую кумушку. Круто ей приходится, живая какъ ртуть, бросается она то вправо, то назадъ, вотъ ужъ трубу изогнула крючкомъ, близокъ, близокъ мигъ удовлетворенія. Улю-лю! Но только близокъ локоть. Сосѣднѣй борзятникъ, шагахъ въ пятидесяти у котораго происходитъ травля, ни съ того ни съ сего подбрасываетъ свою свору и ошалѣвшая лисица влетаетъ прямо ей въ зубы.—«Чортъ тебя возьми, зачѣмъ подбросилъ?»—«Да ее три раза угнали ваши»,—нелѣпо оправдывается Рыбаковъ. Что остается дѣлать? Что сказать на такой убѣдительный аргументъ?! И досадно, и зло беретъ, и смѣшно въ душѣ, пыль горячки проходитъ, удовлетвореніе получено, хотя не полное, но все же есть оно. Подскакавшій Федоръ мой только злобно поѣхосился на Рыбакова, а когда оторвали влѣпившихся борзыхъ и, разобравъ ихъ на свору, тронулись на лазъ, не утерпѣлъ онъ:—«арапникомъ бы тебя, шкурятника»... «Угнали три раза»,—все бурчалъ онъ, утирая потъ со лба. Ну, продолженіе послѣ начала, хотя и не блестящаго, но есть и даже пріятное,—думалъ я, ставъ на лазъ. Каково будетъ окончаніе? Но размышлять далѣе мнѣ не

дали. Взревѣвшая стая, голосъ по красному, по лисѣ, надвигавшіеся на меня, а слѣва по лугу скачущіе универсальный охотникъ Его Высочества Васильевъ и Самойло, бывший доѣзжачій, съ поднятыми арапниками, превратили меня въ глаза и уши. Я, какъ человѣкъ, въ это время не существовалъ. Разорвись подъ мной земля, или спроси меня кто, какъ меня зовутъ—остались бы непонятными фактами, я бы не замѣтилъ ни треснувшей земли, ни спрашивающаго меня. Всѣ мои жизненные функціи, весь я ушелъ въ глаза: кромѣ опушки болота, въ которую я влѣпился глазами, ничего для меня не существовало. Господи, да гдѣ же лисица? Стая уже совсѣмъ близко и фланговые выжлятники уже выскакали на лугъ, а я все ея не вижу. — «Ваше С-во, лисица, береги—лисица, лисица». — Но гдѣ же, гдѣ же она? А я и не вижу, увлекшись созерцаніемъ опушки, что почти у моихъ ногъ, стелется по водомоинѣ. Лисичка ловко подобралась къ ней, вѣроятно, еще до того, какъ я сталъ. Но, милая моя, ошиблась ты и, показавъ выскочившую огневку, полетѣлъ къ ней. Смотрю—вертъ назадъ и полетѣла въ болото. Нѣтъ, накрыли, угнали, опять отдѣлилась, борзья видя, что опушка близка, всего шагахъ въ 40, еще угоняють, промахъ и на трубѣ у лисицы и со мною влетаемъ всѣ вмѣстѣ въ кочки, камыши и разную ветошь. Уйдетъ, уйдетъ проклятая. Гудитъ стая, вырвавшаяся по ней въ зеленя, «стой, стой, стоять», рогъ Ефима, хлопанье, весь этотъ хаосъ не могутъ заглушить надрывающей душу мысли: уйдетъ, проклятая! И я лечу сквозь лознякъ, кочки, камышъ, не зная зачѣмъ и для чего; вѣдь, не я же ее поймаю. Но судьба захотѣла меня побаловать—на прогалинкѣ, какимъ-то чудомъ поспѣвшій сюда Самойло уже держитъ лисицу и, высоко ее поднявъ, что-то кричитъ мнѣ. Подбираюсь теперь и еле подбираюсь уже, а не лечу, и вижу, что сучка моя «Пѣсня» любовно поглядываетъ на эту пару—Самойлу съ лисицей въ рукахъ, изображая виновницу торжества. «Поймала, поймала, ваша сучка поймала!» — кричитъ онъ. Ну, слава Богу, отлегло.

— «Попалась таки мерзавка», — ругаюсь я вслухъ и подъѣзжаю.

Блаженное чувство испытываетъ нашъ братъ охотникъ, затравивъ „подлую“ лисичку. Легко какъ-то, хорошо на душѣ, совсѣмъ иное это чувство чѣмъ то, которое сопровождаетъ пойманнаго русака. Удовлетвореніе какъ бы полнѣе и радость больше. «Что, не удалось перехитрить такая, сякая, попалась голубушка», — уже ласкательно называетъ ее утихающая страсть охотника и прошедшая боязнь неудачи. Пріятно второчить пушистую чистенькую лисичку! Второчивъ, обязательно погладишь ее по спинкѣ, любовно такъ. И еще бы побесѣдовалъ съ ней, да нужно выѣзжать на мѣсто; охотничьяго правила не забывай, — «не копайся», а главное — «не зѣвай»! Эти два слова нигдѣ, никогда не надо забывать и, говорить, польза отъ этого бываетъ и не рѣдко. Но какъ возможно всегда и вездѣ, а въ особенности подъ впечатлѣніемъ бушующей могучей страсти помнить эти слова? Впору сдерживать только себя, а зѣвки ужъ по боку. Не выгодно это, но, какъ бы это сказать, зато увлеченіе, ну хоть полнѣе что-ли, невиннѣе, если хотите. Но однако — «не зѣвай»: надо продолжать и философію по боку. Конецъ этого дня, какъ видите, — красное поле, съ коимъ меня и поздравили проѣзжавшіе охотники по дорогѣ къ Першину.

II.

Вчера я видѣлъ васъ во снѣ
И полнымъ счастьемъ наслаждался;
Когда-бъ возможно было мнѣ,
Я никогда-бъ не просыпался.

(Изъ цыганскаго романа).

Скромно надѣюсь, что ни одинъ изъ читателей, хотѣлъ было сказать «товарищей», да во время вспомнилъ то значеніе, которое ему присвоено теперь; продолжаю—не заподозрить, что глава эта будетъ соответствовать 4 строчкамъ заголовка. Рѣчь будетъ итти совсѣмъ не о той, что воспѣвается въ немъ и слово «васъ» относится далеко не къ одной, къ многимъ оно относится и даже къ существамъ не прекраснаго пола! Увы, оно относится къ кобелямъ и сукамъ, которыхъ я видѣлъ на выводкѣ въ Першинѣ вечеромъ и которыхъ по мѣрѣ умѣнья и силъ я постараюсь вамъ представить. Не ожидали? Но только чуръ—не судите меня строго тѣ, кто ихъ видѣлъ вмѣстѣ со мною. Можетъ быть, я и ошибаюсь въ чемъ-нибудь, попросту ошибусь, да кое-что и забылъ, можетъ быть. Не мудрено и забыть, вѣдь около 150 собакъ пересмотрѣть въ одинъ вечеръ и то—«марка». Конечно, всѣ 150 собакъ, или около этого, разобрать здѣсь, показать, такъ сказать, ихъ фотографію невозможно, но нѣсколько выдающихся кобелей и сукъ я думаю не нарушатъ вашего хорошаго расположенія и не утомятъ вниманія, тѣмъ болѣе, что это будетъ не экспертиза, а общій набросокъ. Но начну не прямо съ выводки собакъ, а съ обстановки, при которой она происходитъ; вѣдь она много способствуетъ и расположенію духа и настроенію, въ этомъ, я думаю, не будетъ противорѣчій? Та комната, гдѣ происходитъ всегда выводка—просторная съ чудной старинной мебелью корельской березы, удобная—диваны широкіе, спинки у креселъ рѣзныя съ выемкой для

спины, скамеечки двухстороннія, и все обито чудной русской матеріей, ласкающей эстетичный глазъ своей простотой—по бѣлому полю—красные маки. Стѣны увѣшаны рогами оленей, козъ и дanielекъ. Затѣмъ портреты масляными красками всѣхъ лучшихъ бывшихъ производителей кругомъ обхватываютъ всю комнату, представляя какъ бы панораму того, что было и изъ чего образовалось то, что есть теперь въ Першинѣ въ смыслѣ борзыхъ. А въ глубинѣ комнаты, противъ дивановъ и кресель—обитый краснымъ сукномъ низкій помостъ съ такимъ же экраномъ. На него вводятъ собакъ и на этомъ красномъ экранѣ онѣ кажутся еще эффектнѣй. Замѣтьте, какъ все пригнано по охотничьи, какая гармонія и въ довершеніе все это освѣщается люстрой изъ яркихъ четырехъ лампъ, бросающихъ свѣтъ сверху, и двѣ или три по бокамъ. Вотъ вамъ картина того эдема, гдѣ показывается то, что иногда бросаетъ въ дрожь, въ жаръ, что заставляетъ биться сердце, что вызываетъ вздохи, звуки восторга, экстаза, слезы, это я самъ видѣлъ и испыталь. Сколько тутъ пережито и перечувствовано! Да, было и забылъ прибавить: въ скромномъ уединеніи, тутъ же на шкапѣ для книгъ стоятъ два общихъ истязателя—два барометра. Что они испытываютъ это имъ извѣстно—не проходитъ $\frac{1}{2}$ часа, чтобы кто-нибудь не пощелкалъ ихъ пальцемъ. На сколько это улучшаетъ ихъ показанія—судите сами.

Буду вамъ показывать по нѣсколько собакъ съ cadaго двора. Ну-съ, приступаю. (А самому жутко).

«Грозный II, по первой осени», — превозглашаетъ Я. И. Г., показываясь въ дверяхъ: «отъ Алупки и Цыгана», и Михайла съ легкимъ посвистываніемъ, въ темно-синемъ казакинѣ, на ципочкахъ вводитъ на помостъ полового въ черенкахъ, вершковъ $16\frac{1}{2}$ кобеля и ставитъ его, чуть подтянувъ свору. Хорошъ кобель, сухъ, въ прекрасной псовинѣ, окрасъ этотъ, какъ и чубарый, такъ дорогъ для породы, для типа. Ноги заднія хороши и кре-

стець достаточнo длиненъ, немного тяжела голова, но хороші́й глазъ уравни́шиваетъ общее пріятное впечатлѣніе рѣзвой собаки; конечно, это еще щенокъ, но задатки есть. Кто сидитъ, смотритъ, кто что-то записываетъ таинственно на бумажкѣ, конечно, относящееся до кобеля, кто встаетъ, осматриваетъ его сзади, спереди, ощупываетъ его мускулатуру, чуть не обнюхиваетъ. Дѣлаются замѣчанія, вспоминаются его родители—чудный отецъ его «Цыганъ», цѣнная заводская собака съ зол. мед.—«Веди»,—раздается приказаніе Его Высочества и видѣніе такъ же исчезаетъ, какъ появилось: съ легкимъ, чуть слышнымъ, посвистываніемъ уводитъ Михайла кобеля.—«Гордецъ II!»—провозглашаетъ Я. И. и на аренѣ появляется однопометникъ предыдущаго, такого же окраса, въ тѣхъ же приблизительно ладахъ, обоимъ слѣдовало бы удлинить головы и прибавить верха. Послѣднее еще, вѣроятно, и будетъ къ 2—3 осенямъ. «Гроза», однопометница «Гордца II». Вводятъ прекрасную суку, мощную, такого же окраса, болѣе нѣжную и сухую, на такихъ же ногахъ и того же типа. Хороша сука, въ особенности хорошъ ея общій типичный профиль и заднія ноги. «Ястребъ»—очень характерная типичная псовая собака, чубарый въ половинѣ отъ «Арагвы» и «Швыряя». Очень хороші́й кобель, вѣроятно рѣзовъ; тотъ-же недостатокъ, что и у предыдущихъ. Все же это выкупается типичностью и окрасомъ, что въ общемъ при остальныхъ качествахъ дѣлаетъ кобеля очень симпатичнымъ. «Ялта»—совершенно въ томъ же типѣ и сѣро-пѣгая «Вьюга», рѣзвая по статямъ, костистая съ прекрасными глазами сука.—«Веди!»—раздается вновь, и послѣ краткой паузы появляется сѣро-пѣгій дворъ, начиная съ «Похвала», отъ «Амазонки» и «Поражая». Ахъ, какой это пропорціональный кобель, легкій, правда, небольшой, но отлично по времени одѣтый, сухой, энергичный, мускулистый, на хорошихъ ногахъ, съ маленькимъ подвижнымъ ухомъ и смѣлымъ глазомъ; жаль, что глазъ свѣтелъ, но вѣдь совершенство

нѣтъ на землѣ. Рѣзовъ, вѣроятно. Оно и оказалось въ послѣдствіи. Онъ сѣро или бурматно-щекій.

«Вихрь» — темно-сѣро-пѣгій по 1 осени, отъ «Вѣщуньи» и «Щеголя». Прекрасный мощный кобель, костистый, въ колесѣ весь, сама пружина — спина, на чудныхъ переднихъ ногахъ, съ прекраснымъ глазомъ и съ немного коротковатой головой. Въ чудной мягкой волнистой псовинѣ. Жаль, что заднія ноги немного, какъ будто, коротки.

Затѣмъ идетъ «Цыганъ», красавецъ въ полномъ смыслѣ слова, сухой, благородный, сама порода, и двѣ чудныя суки «Цапля» и «Соколка» отъ «Цыганки» и «Злоима», изящныя, сухія, сама грація, на длинныхъ сухихъ головкахъ маленькія подвижныя ушки, съ верхомъ и въ прекрасномъ скаковомъ порядкѣ. Въдѣ это все собаки, находящіяся на дворахъ у борзятниковъ, но каждая изъ нихъ могла бы составить украшеніе любой охоты.

— «Вѣдьма»! — объявляетъ Я. И. Вводятъ сѣро-пѣгую мощную, рослую суку. Она не одѣта, но тѣмъ рельефнѣе выступаетъ ея чудная мускулатура и костякъ, безупречная спина съ напружиной; при ея 16 верш. и костистости она, какъ будто, тяжела по фигурѣ, но какая это мощная и типичная сука, какъ производительница. Правильная сука, съ чуднаго темнаго цвѣта и на выкатѣ горящимъ глазомъ. Могучая и, вѣроятно, рѣзвая сука. Передъ отъѣздомъ Его Высочества изъ Першина, я былъ осчастливленъ получить въ подарокъ эту суку по первой осени. Дѣйствительно, она оказалась рѣзва, что и засвидѣтельствовала на глазахъ у южныхъ степныхъ охотниковъ, съ которыми я наслаждался вторую часть осени и о чемъ надѣюсь подѣлиться. Много наслажденія доставила выводка этого двора. Вслѣдъ за этимъ началась выводка темно-чубараго двора. Моя слабость чубарый окрасъ и по сердцу и по уму онъ болѣе другихъ мнѣ симпатиченъ. Сколько въ немъ суровой гордости, нелюдимаго, прочнаго и типичнаго, какое-то особенное на меня впечатлѣніе производитъ онъ, чего-то увѣреннаго въ себѣ.

Я такъ его полюбилъ, что даже думаю, что въ старину должны были быть именно чубарыя самыми типичными и по экстерьеру и по характеру собаки. Половые въ сильныхъ черенкахъ тоже цѣнны по окрасу. Я думаю, что какъ изъ тѣхъ, такъ и послѣднихъ должны легче всего выкидываться типичные богатыри и рѣзвачи, съ шелковистыми отчесами и громадными ласами, образующими теплую внушительную муфту, переходящую къ холкѣ и на груди какъ бы въ львиную гриву. Нѣтъ, дальше не буду распространяться и задерживать выводку.

Послышалась мелкая, острая дробь коготковъ по полу коридора и увѣренной, пружинистой походкой, гордо поднявъ голову и озирая мимоходомъ весь сидящій синклитъ, вошелъ «Похваль» отъ «Побѣдки» и «Колчана II», сталъ на помость, представивъ любоваться собой, какъ бы сознавая то впечатлѣніе, какое онъ произвелъ. Охъ, какъ хорошъ, какъ типиченъ, какъ сухъ кобель. Что же его описывать? Этотъ кобель такъ хорошъ во всемъ, что если-бы онъ былъ покруче, лучше ничего и не надо. Его сынъ «Позоръ», выведенный послѣ него, — копія его, кажется, покруче, но головой уступаетъ отцу и псовина, насколько я помню, она въ крутыхъ завиткахъ, что въ общемъ менѣе пріятно отца.

Затѣмъ—«Ханъ» отъ «Ханки» и «Желаннаго» тоже хорошъ; «Вахлакъ» — типичный, громадный кобель; «Побѣдимъ» — на чудныхъ заднихъ ногахъ, вѣроятно, злобный очень, судя по отцу его «Порхаю». Затѣмъ ввели темно-чубараго «Пылая II». Онъ, правда, инвалидъ — сломана передняя нога, но какъ и при какихъ обстоятельствахъ она сломана, я не могу умолчать. Главное тутъ не переломъ, а какъ себя велъ кобель, сломавъ ногу. Буду кратко, — сломавъ переднюю ногу около колѣнки и имѣя торчащими черезъ кожу острые концы костей, онъ продолжалъ скакать по русаку, пока русакъ не былъ пойманъ! Каковы жадность, азартъ и самозабвеніе! Подумайте! На почти черной рожѣ, какъ уголья горять два громадныхъ темныхъ глаза. Сухости ко-

бель идеальной и если бы болѣе правильная спина, я бы готовъ его признать не хуже «Похвала». Жаль, что онъ былъ раздѣтъ. Эти два кобеля—«Похвалъ» и «Пылай II» могли бы быть производителями. Его дочь, маленькая, такая же сухая, вся въ колесѣ, «Цѣпочка» уже доказала, что она достойна отца—рѣзвая, верткая и жадная, она всю осень тѣшила гр. Н., у котораго ходила въ сворѣ. Долженъ все же оговориться. «Похвалъ» на мой взглядъ блестче и аристократичнѣе «Пылая». Нравственными же качествами, по разспросамъ, «Пылай»—выше. Извиняюсь передъ охотниками за краткое описаніе чубарыхъ собакъ—я равнодушно не могу о нихъ думать, а описывать ихъ такъ, какъ я ихъ чувствую, не хватаетъ умѣнія. Досадно, но ничего не подѣлаешь.

Затѣмъ началась выводка «московскихъ собакъ» — половопѣгихъ. Этотъ эпитетъ за ними установился давно, въ немъ звучитъ какъ бы иронія. Эти собаки обязаны своимъ эпитетомъ тому успѣху, который онѣ имѣли одно время на Московскихъ Выставкахъ. Окрасъ этотъ хоть и типиченъ для псовыхъ собакъ, но онъ, вѣроятно, не очень по сердцу Августѣйшему Хозяину, одинъ изъ любимыхъ окрасовъ котораго — чубаро-пѣгій. Поклонникъ этого окраса Д. П. В. и съ ними онъ всегда ѣздитъ. Не могу не вспомнить, что все-же пол.-пѣг. «Голубь» положилъ основаніе настоящимъ чудо-богатырей Першина. Выдающійся по силѣ передачи признаковъ псовой собаки, этотъ кобель оказалъ неоцѣнимые результаты въ соединеніи со «Стрѣлой». Посмотримъ же, каковы красавцы пол.-пѣг. Первымъ былъ поставленъ дѣйствительно блестящій кобель «Атланъ». Насунувшаяся напередъ фигура его, какъ бы горбатая, въ завиткахъ, съ маленькой головкой страшно напоминаетъ его дѣда—знаменитаго «Голубя». Тотъ же постановъ, тотъ же могучій складъ и тѣ же удивительно выгодныя для скачки по длинѣ заднія ноги. Пѣжины, расположеніе ихъ—и тѣ одинаковы съ «Голубемъ». Типиченъ, благороденъ кобель, поло-

жимъ, родители его первоклассные красавцы—«Армавиръ», любимецъ Его Высочества, и «Тиранка», родившіеся у А. К. Б.

Затѣмъ мы увидѣли «Каратая», сына «Кары» и знаменитаго «Таская» своры Его Высочества, и брата его однопометника «Кречета». Эти кобели раздѣлили первый призъ за рѣзвость на домашнихъ садкахъ среди первоосенниковъ. Оба крутые, въ колесѣ, однотипные, сухіе, хорошо одѣтые, съ легкими головками—они производятъ удивительное впечатлѣніе.

Теперь очередь за крас.-чуб.-пѣг. Красивый, эффектный окрасъ ихъ очень подкупаетъ. Больше всего въ памяти остались у меня три кобеля и сука. Громадный 18½ вер. кобель «Укорь» съ громаднымъ, но нѣсколько неправильнымъ верхомъ, на отличныхъ заднихъ ногахъ, произвелъ впечатлѣніе очень рѣзвой и породной собаки. Затѣмъ «Вахлакъ» отъ «Ворчуньи» и «Злоима», первокласснаго производителя. Это чудный по себѣ кобель, съ красиво расположенными отмѣтинами; жаль, что его неправильное правило портитъ общее впечатлѣніе.

«Восторгъ»—мощный кобель, энергичный, на прекрасныхъ костистыхъ ногахъ, съ широчайшимъ задомъ, сухой, но богатѣйшая мускулатура его какъ будто ужъ очень округлена. Кобель въ поляхъ оказался очень рѣзовъ и былъ подаренъ Его Высочествомъ гр. Т., который въ одно поле затравилъ съ нимъ шесть русаковъ, при чемъ «Восторгъ» именно былъ виновникомъ ихъ поимки.

Не помню, къ сожалѣнію, клички четвертой собаки суки, у нея сломана передняя нога. Но что это за сучка, что за изящное созданіе и что за стати! Представьте себѣ сухую красавицу суку, живую, энергичную и въ лучшихъ скаковыхъ ладахъ, съ изящнѣйшей головкой и вы получите портретъ этой легкой, граціозной барышни; она до того мнѣ нравится, что я, смотря на нее, видѣлъ передъ собой не суку, не животное, а именно барышню, дѣвушку жизнерадостную, всѣмъ своимъ дѣвичьимъ изяще-

ствомъ подкупающую зрителя. Ахъ, какъ она хороша, какъ мила!

Затѣмъ по очереди долженъ былъ быть дворъ борзятника Листова; тоже почти того же окраса собаки, лишь потемнѣе, а нѣкоторыя мур.-пѣгія, въ черенкахъ, или крас.-чуб.-пѣгія. Дочка «Брюзги» и «Ехиднаго» — «Бирюза» была введена первой. Чудная сука, тоже изящная, сухая, но не то, что ея однопометница, сгасшая года 2—3 тому назадъ, и если бы не порочное правило она могла бы быть поставлена въ первый классъ, по моему сужденію.

Ея однопометникъ «Быстрый» тоже красивый кобель, очень эффектенъ, но съ тѣмъ же недостаткомъ, къ сожалѣнію.

Затѣмъ вниманіе наше и мы всѣ были неожиданно поражены появленіемъ громаднаго кобеля «Узбека». Онъ до того великъ, что ростъ его какъ-то не даетъ сосредоточиться на его сложкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень пропорціоналенъ. Это богатырь въ буквальномъ смыслѣ слова. Представьте себѣ собаку 19¼ вер. ростомъ, на отличныхъ костистыхъ ногахъ съ верхомъ и препорядочнымъ, съ широчайшимъ задомъ и длиннымъ крестцомъ, съ прекрасными мускулистыми плечами; правильная въ контурѣ и по длинѣ шея заканчивается длинной головой съ хорошимъ глазомъ. Я бы хотѣлъ у него видѣть болѣе узкую въ щекахъ голову, но по длинѣ она, если не ошибаюсь, не менѣе 7 вершковъ, и чуть подлиннѣе заднюю ногу. Вотъ собственно что можно покорить въ немъ, придираясь.

Слѣдующій кобель былъ его братъ «Усладь», оба они отъ «Утѣшки» Н. И. К. и «Армавира» собственной Его Высочества своры. Этотъ кобель еще лучше перваго и только на ¼ вершка ниже. Онъ и головой и задними ногами лучше. Они до того однотипны, что сразу ихъ даже трудно отличить другъ отъ друга. Ахъ, какія это громады, что-то поразительное по мощи. Они первоосенники и годамъ къ 2—3 это будетъ что-то выдающееся. А въ поляхъ что они показали! Вѣдь, на моихъ глазахъ «Усладь»

такъ хлесталь русака по зеленымъ, что въ глазахъ темно стало. Четырехъ русаковъ подъ рядъ поймала; свора и на каждомъ русакѣ онъ замѣтно выдѣлялся; и это на мягкой пахотѣ, по косо-гору. Поразительная собака. Эхъ, вотъ такихъ бы парочку кобелей на свору да насадить ихъ на материчка въ порошу. Улю-лю и «въ лопухъ», какъ говоритъ одинъ охотникъ. Одного бы затравить за зиму и больше не надо. Я бы помирился на одномъ (на материкѣ). Пожалуй, и это довольно нескромное желаніе? А можетъ быть и ничего? Главное—«не зѣвай». При удачѣ—нѣтъ ничего невозможнаго, это надо твердо помнить, а еще важнѣе и главное труднѣе исполнять эти два слова. А то помнить-то помнишь, а какъ до исполненія дойдетъ дѣло, такъ духу-то вдругъ и не хватаетъ. Что подѣлаешь: «противъ рожна не прати». Мнѣ эта мысль невольно какъ-то пришла въ голову, когда уводили этого чуднаго богатыря—«Услава» и брата его «Узбека».

Чубаро-пѣгій окрасъ, смѣнившій предыдущій дворъ, въ смыслѣ кобелей, какъ-то не остановилъ на себѣ моего вниманія. Насколько мнѣ помнится, выдающагося чего-либо не было. Но зато сука «Цыганка II», по первой осени, вознаградила этотъ, какъ бы сказать, ну пробѣлъ, что-ли. Эта первоосенняя сука очень хороша: съ напружиной, скорѣе въ кобелиныхъ ладахъ, сухая, энергичная, съ чудной формы головой и богатѣйшимъ задомъ, производила чарующее впечатлѣніе.

Не знаю, какъ и быть дальше—описывать-ли неописуемое—собственную свору Его Высочества или нѣтъ? Въ сущности лучше предоставить каждому вообразить себѣ все самое лучшее, самое породное, самое идеальное. Это будетъ наилучшій исходъ. Отъ себя скажу, что такіе кобели какъ пылкій «Таскай»; сухой, крутой «Армавиръ», такой же «Палей», «Ахидъ» и «Щеголь»—это такія собаки, которыя такъ хороши, что, если бы въ человѣкѣ не было бы заложено стремленіе къ совершенствованію себя и

всего его окружающаго, могли бы представить изъ себя тотъ кульминаціонный пунктъ, на которомъ можно-бы остановиться. Суки «Кура» красно-пѣг. «Порхушка», «Арагонка»—выше всякаго сужденія и описать этихъ красавицъ не въ моей власти; каюсь, но не берусь ихъ изобразить хотя-бы приблизительно. Пожалуй, мнѣ даже понятно, что могли помѣщики прежнихъ лѣтъ за такихъ, если онѣ были, собакъ отдавать чуть-ли не женъ своихъ. Скажу въ скобкахъ—вѣроятно, помѣщики эти были и не первой молодости, да и запросы у нихъ были скромные. Вотъ г.г. и конецъ вывода, но, конечно, это блѣдная картина того, что я видѣлъ. Описать, а главное точно передать настроеніе—вотъ, что самое трудное и я извиняюсь, что не удовлетворяю васъ, я это чувствую, но поправить не могу—не хватаетъ красокъ, силы, умѣнья.

Кромѣ всѣхъ чудесъ, коими наполнено Першино въ смыслѣ борзыхъ, многое множество есть предметовъ и отраслей хозяйства и охоты въ обширномъ значеніи слова, которые процвѣтають, благодаря всеобъемлющему и присущему Августѣйшему Хозяину знанію животноводства и любви къ Першину. Все, что дополняетъ Першино, какъ то: заводъ кровныхъ арденовъ въ 100 головъ матокъ и какихъ матокъ! Выводныя, по 800—1000 руб. за голову, жеребцы свои. Заводъ лучшихъ мясныхъ свиней, рыжихъ тамвортъ, нѣжнѣйшее мясо коихъ нельзя даже приблизительно сравнить съ какой-нибудь другой породой. Чудныя молочныя коровы швицъ, 2 стада, что-то около 100 съ лишнимъ головъ, тоже, по большей части, выводныя. Бараны, помѣсь какой-то англійской породы, громадные, достигающіе около 3 пудовъ туша. Куры, нѣжнѣйшія созданія, удивительныя по мясу и вѣсу—«Couscou de Maline», сѣрыя крапчатые, ихъ тоже что-то около 200 штукъ, если не больше. И все это первосортное, *pas plus ultra*. Порядокъ вездѣ такъ и бьетъ въ носъ. Знаніе дѣла видно на каждомъ шагу. Словомъ, душа отдыхаетъ, глядя на эту полную

чашу. А фазанье хозяйство? И всѣ эти обширныя и разнообразныя хозяйства находятся подъ непосредственнымъ вниманіемъ Августѣйшаго Хозяина. На 150 десятинахъ огороженного лѣса, острова-отъемника, ведется эта роскошь хозяйство—охота. Всѣ эти 150 десятинъ тщательно охраняются и живыми и мертвыми, т. е. и сторожами и капканами, ловушками и всякими приспособленіями для ловли, начиная съ бродячихъ собакъ и кончая прочей мелкой хищной тварью и пернатыми хищниками. Островъ раздѣленъ на правильныя фигуры, отдѣляемыя другъ отъ друга дорожками-просѣками, на которыхъ и стоятъ стрѣлки за закрытіями. На большой средней дорогѣ стоитъ домъ главнаго заграничнаго мага по выводу молодняна и общаго распорядителя фазаньяго хозяйства и приготовленія охотъ. По обѣимъ сторонамъ дорога засѣяна различными растеніями—кукурузой, земляной грушей и т. п., для укрытія и для корма фазановъ. Высиживаютъ молодыхъ индюшки и русскія куры. Ежегодно, если я не ошибаюсь, выводится около 2000 молодыхъ, а то и больше. Такъ что охоты, производимыя въ фазанникѣ, позволяютъ Августѣйшему Хозяину отстрѣливать каждую осень около 1000 штукъ птицы, почти исключительно пѣтуховъ. Такихъ охотъ устраивается 4—5 въ осень и отъ участка, гдѣ производится охота, и мѣръ, которыя принимаются, зависитъ количество битой птицы; конечно, оно зависитъ и отъ стрѣлковъ. Были дни, когда мы насчитывали до 350 штукъ на 9 ружей. Конечно, Великому Князю принадлежала львиная доля битыхъ фазановъ, какъ стрѣлку. На моихъ глазахъ, во время загона, когда воронъ, какъ хищныхъ, слѣдуетъ стрѣлять, Великій Князь королевскимъ выстрѣломъ надъ головой убилъ летящую встрѣчу ворону не менѣе какъ на 100—125 шаговъ! На его долю въ хорошій день приходилось отъ 75—150 штукъ дичи.

О количествѣ летящей въ разныхъ направленіяхъ птицы можно себѣ представить понятіе — въ два ружья еле-еле поспѣваешь стрѣлять, при чемъ пока

изъ одного стрѣляешь—другое заряжается охотникомъ, стоящимъ сзади. Великому Князю мало двухъ ружей, онъ стрѣляетъ изъ трехъ. Это туча, которая то сгущается, то прорѣжается. Летятъ вдоль, поперекъ, бѣгутъ по землѣ, свѣчкой подымаясь у самой просѣки-дорожки; летятъ куры-фазанки, пѣтухи погодовавшіе, молодые,—это какой-то хаосъ, съ которымъ очень трудно справиться. Не всегда въ этой суматохѣ разберешь во-время—курица или пѣтухъ летитъ; бываютъ конечно ошибки, невольныя, но все-же стрѣльба страшно осложняется и этимъ фантастическимъ количествомъ летящей птицы въ разныхъ направленіяхъ и разглядываніемъ, какъ бы не убить фазанки. Но удовольствіе громадное, намъ, не видѣвшимъ ничего еще болѣе грандіознаго, заграничнаго. Не думайте, что это такъ легко выпустить въ одномъ загонѣ, въ теченіе 5 минутъ, 50—75—100 и болѣе выстрѣловъ. Я, по крайней мѣрѣ, въ самомъ легкомъ одѣяніи, въ вязанной шерстяной курткѣ всегда къ концу хорошаго загона бывалъ въ испаринѣ, а въ первый день, будучи въ поддевкѣ, я былъ, во-первыхъ, весь мокрый, а во-вторыхъ, отбилъ себѣ бицепсъ правой руки и прилегающую къ нему кость—плечевую, отбилъ такъ, что дотронуться было нельзя безъ сильной боли. И все-таки эти загоны по фазанамъ въ дни дневокъ—громаднѣйшее удовольствіе, о которомъ и сейчасъ вспоминаю съ завистью. И вы думаете, что это все, чѣмъ богато Першино? Все, то что я уже перечислилъ? А волчатникъ, гдѣ въ огороженномъ лѣсу, съ рѣчкой и оврагами, содержатся волки, какъ на свободѣ, гдѣ они выводятъ ежегодно выводки! А голуби турмана со специалистомъ тулякомъ, который ухаживаетъ за ними и гоняетъ ихъ. Охотникъ, торгашъ въ душѣ, который, по его словамъ, знаетъ всѣ породы собакъ и продавалъ за большія деньги „знаменитыхъ аболонокъ“ (болонки). Да, чуть не забылъ! А отдѣльный громадный дворъ щенятъ! Отдѣльно гончія и отдѣльно борзья! Но объ этомъ надо говорить осторожно! Не всякаго судьба балу-

еть и не всякій имѣть счастье приблизиться къ сверхсчастью—осмотрѣть этотъ дворъ, просто щенячій пустой выпускъ. А увидѣть борзыхъ щенковъ—это уже нѣчто такое, о чемъ и думать-то можно лишь украдкой. Туда допускаются съ особаго для каждаго охотника экзамена, таинственнаго, невѣдомаго для экзаменующагося, и счастье, если вы выдержите этотъ искусь—на первыхъ порахъ вы попадаете только въ чистилище на испытаніе. Вы увидите бракъ разнаго возраста, конечно, не подъ матками-суками. Но попавъ въ чистилище, не вздумайте возомнить: увидѣть кое-что «поинтереснѣе»! Можете на вѣкъ остаться въ приготоуишкахъ, какъ вашъ покорный слуга. Вторая степень благоволенія, это—разрѣшеніе и приглашеніе смотрѣть всѣхъ взрослыхъ щенятъ. Въ этомъ классѣ избранниковъ, строжайше отсортированныхъ, еще менѣе и о нихъ говорятъ съ уваженіемъ. Ну, а третій, виѣклассный элементъ—это нѣчто такое, что можно сравнить развѣ что со счастьемъ человѣка выигравшаго 200 тысячъ. Въ этомъ разрядѣ допускается смотрѣть слѣпыхъ, подъ суками щенятъ! Я знаю только одного такого живого человѣка, родившагося очевидно въ рубашкѣ. Это мой добрѣйшій другъ кн. Д. И. Ш.—Ш. Но на этомъ прерву разговоръ—все-таки надо быть осторожнымъ. Мало-ли что не придетъ въ голову, смотришь и „прозѣваешь“. А „зѣвать“ — не дай Богъ. Отведу душу лучше на описаніи волчатника и связаннаго съ нимъ эпизода, который случился съ Я. И. въ эту осень. Охъ, и трудно же ему было, сердечному. Ему, какъ завѣдующему охотой, было поручено произвести дезинфекцію волчьяго отдѣленія, гдѣ живутъ молодые. Не помню почему, словомъ, было приказано весь волчатникъ дезинфицировать сулемой. Извѣстно, что гадость эта страшно ядовита и противоядіемъ служитъ черный кофе. Въ этомъ, конечно, съ вечера еще, настоятельно убѣждали Я. И., прося его быть поосторожнѣе въ своихъ манипуляціяхъ. Кто-то даже упомянулъ о ядовитости паровъ сулемы и посоветовали остере-

гаться и на всякій случай запастись чернымъ кофе. Какъ онъ бѣдный ни вертѣлся и ни ежился, но, имѣя спасительный кофе, скрѣпя сердце, что теряетъ цѣлые $\frac{1}{2}$ дня охоты, отправился на дезинфекцію. Надо сказать, что Я. И. довольно таки почтительнаго возраста и не изъ малокровныхъ, анемичныхъ субъектовъ. Далеко нѣтъ, что засвидѣтельствовано природой на его лицѣ.

Когда мы сидѣли уже за завтракомъ въ полѣ, взявши 2—3 острова, Его Высочество, не видя Я. И., вспомнилъ о немъ.—«А гдѣ же Я. И.»?—«Да вѣдь онъ дезинфекцируетъ волчатникъ».—«Не отравился бы на старости лѣтъ»,—пожалѣлъ кто-то его. Но Я. И. легокъ на поминѣ.—«Ваше Императорское Высочество, честь имѣю явиться—дезинфекція произведена».—«Да что съ вами, отчего вы такой красный, садитесь завтракать»,—пригласилъ его Великій Князь.—«Покорно благодарю, Ваше Высочество, я ничего не могу ѣсть».—«Отчего, что вы, больны?»—«Никакъ нѣтъ».—«Такъ что же съ вами?»—«Я выпилъ 9 стакановъ черного кофе во время дезинфекции!!»—Можете себѣ конечно представить, что тутъ было! Тотъ гомерическій хохотъ, который покрылъ этотъ отвѣтъ. И дѣйствительно—лицо усерднаго Я. И. ясно свидѣтельствовало о его трудахъ по поглощенію такого количества кофе. Оно было багровое и лоснилось, глаза посоловѣли. Долго во время завтрака мы не могли равнодушно взглянуть на него, припоминая какъ онъ точно выполнилъ совѣты и какъ онъ боялся «паровъ» сулемы. Но при видѣ накрытаго стола и любимой мадеры, не вытерпѣла душа его, онъ сѣлъ и стаканчика 2—3 мадеры все-же нашли себѣ мѣсто. Вѣроятно они, по мнѣнію Я. И., могли сослужить роль противоядія по отношенію къ 9 стаканамъ кофе, обладая способностью поглощать кофеинъ. Но онъ не успѣлъ рѣшить эту проблему, т. к. мадеры не хватило—въ его отсутствіе $\frac{1}{2}$ его порціи выпили мы.

Волчатникъ, въ которомъ онъ такъ усердно подвизался, находится въ 3 верстахъ отъ Першина. Это

два отдѣльныхъ другъ отъ друга участка земли съ березовымъ лѣсомъ. Въ одномъ, предназначенномъ для прибылыхъ—глубокій оврагъ, въ другомъ, перегороженномъ на двѣ половины—проточная вода, этотъ участокъ отведенъ для материковъ и переряковъ. Какъ тотъ, предназначенный для прибылыхъ, такъ и этотъ, огорожены полукаменной стѣной въ 5 арш. съ навѣсами во внутрь, чтобы волки не могли перескакивать, до чего они большіе мастера—бывали случаи, когда матерый волкъ перескакивалъ эту, казалось бы, неодолимую вышину. Волки всегда въ чудномъ порядкѣ — сытые, свѣжіе, что всегда доставляетъ большое удовольствіе во время садокъ на злобу, но и много волненій для владѣльцевъ сажаемыхъ собакъ. Бывали случаи, когда сытый волкъ уходилъ версты за 3—4 и, только благодаря неустойчивости и ловкости пріемщиковъ, преслѣдовавшихъ его неотступно, онъ бывалъ водворяемъ вновь на мѣсто.

III.

Я нахожу, что осень 1906 г. въ Першинѣ въ общемъ по погодѣ была не изъ особенно удачныхъ и страшные вѣтры, такъ дѣйствующие на настроеніе и портящіе лучшія поля, преслѣдовали насъ неотступно. Затѣмъ ранніе утренніе заморозки мѣшали все-же намъ выѣзжать утромъ. Нѣсколько полей, благодаря мерзлой землѣ, пришлось начинать послѣ завтрака. Одно изъ такихъ мы брали вторымъ послѣ моего приѣзда, такъ называемыя «Варѣоломеевскія мѣста». Въ этомъ островѣ тщательно оберегались, какъ и въ большинствѣ Великокняжескихъ мѣстъ, — множество лисицъ! Островъ большой, очень заразистый, разбѣжистый и примыкаетъ концами съ очень короткой перемычкой къ ряду другихъ острововъ. Выгнать гончимъ лисицъ на лазы, занимаемые сворами, очень трудно. Лисицы просятся и шныряютъ то и дѣло, но по короткости мѣста рѣдко попадаютъ въ торока. То отвертится по кустикамъ, то, дойдя до половины перемычки, вернется обратно, то, благодаря нахальству своему и горячки борзятника, проскользнетъ въ неудобное для борзыхъ мѣсто; словомъ, много тутъ надо хладнокровія и счастья, чтобы второчить красивую кумушку. Зато зайцевъ здѣсь, какъ говорится, — «хоть прудъ пруди». Къ сожалѣнію, брать этотъ чудный островъ пришлось въ ужасную погоду — вѣтеръ буквально рвалъ сѣдока, лошадь, рвалъ борзыхъ, а оставшіеся желтые дубовые листья на полуголыхъ дубахъ своимъ непрестаннымъ однообразнымъ шелестомъ еще болѣе дѣйствовали на напряженные нервы. Зло брало на этотъ неудержимый потокъ воздуха, бѣшенный и холодный. Какъ я былъ радъ, что догадался одѣться въ волчій полушубокъ и мѣховые штаны *), на ногахъ у меня были 2 пары теплыхъ носковъ.

*) Pardon pour le mot.

Не будь этой полярной амуниці, врядъ ли бы я уцѣлѣлъ. Всего досаднѣе это то, что не слышно гона и пронизывающій вѣтеръ кажется отъ этого какъ-то еще холоднѣе. Бывшій утромъ морозъ основательно таки захватилъ землю и теперь къ 11 часамъ утра еле можно травить — образовалось страшно разѣздное поле, а подъ тонкимъ скользкимъ слоемъ оттаявшей земли твердо, какъ чугуны. Трудно скакать борзымъ. Влѣво отъ меня на ровномъ, но съ подъемомъ къ острову, лазу стоитъ кн. Ш., лѣвѣе его ген. Г., дальше мнѣ не видно; направо отъ меня стоящая свора то покажется, то исчезнетъ. Такъ я и не могъ убѣдиться, какая причина заставляла мыкаться эту душу; думалъ сперва—равняется, молъ, по гону, но потомъ вижу, что ошибся. Вѣроятнѣе всего, что въ легкой поддевочкѣ пронизываетъ сиверко. Но вотъ однако пахнуло отъ острова и ясно долетѣли звуки гона. Стало теплѣе. Стая была сборная, т. е. отборная изъ 2 стай одна, что-то около 60 собакъ. Ближе, ближе гонъ и цвѣлый русакъ замелькалъ по опушкѣ, свернулъ къ кн. Ш. и, выбравшись изъ мелкихъ бурьянковъ на чистое, сѣлъ, вздыбилъ и, убѣдившись, что все обстоитъ благополучно, толкнулъ задними ножками и покатиъ отъ приближавшихся гончихъ. Ишь, шельмецъ, какъ наддаетъ, горошкомъ сыплеть. Но недолго, недолго тебѣ, миленькій, издѣваться, вотъ сейчасъ еще наддавать придется. Кн. Ш. тронулся, указалъ и ошеломленный неожиданностью русакъ заметался, не зная, куда выбрать направленье—назадъ-ли или въ спасительный оврагъ на проломъ впередъ. Впередъ—и разнесшіяся борзые, справившись, скрылись въ оврагѣ; потомъ показался на той сторонѣ къ острову русакъ, за нимъ не въ мѣру—свора и все скрылось въ березнякѣ.—Первый блинъ комомъ,—подумалъ я, видя какъ рѣзвая молодая свора не смогла одолѣть шельмеца. Но тутъ же пришлось самому испробовать тотъ же блинъ. Русакъ, бѣжавшій саженьяхъ въ 20 впоперекъ, послѣ одной угонки безнадежно отростая, удралъ въ ост-

ровъ, назадъ. Собаки совершенно не могли набрать по этому чертовскому разбѣзду, онѣ скакали, какъ по льду. Г. Г. травилъ безъ конца, но и его черненькіе англичане не могли показать себя особенно удачно. Четырехъ русаковъ проловили его своры наискось отъ меня въ опушку. Травли его появлялись весьма неожиданно изъ-за бугра; что было по ту сторону, не знаю, но то, что было на моихъ глазахъ, то безнадежно уходило въ островъ. Г. Г. все же второчилъ трехъ, или четырехъ, вѣроятно уже позже, когда попорудило землю и скакать стало способнѣе. Травили мы съ кн. Ш. еще двухъ вмѣстѣ, одинъ ушелъ, другого поймала его сука «Шалунья». Самостоятельно я прогладилъ еще одного и потомъ вернулся къ завтраку.

Его Высочество тоже не былъ особенно доволенъ островомъ и своими травлями, хотя все побѣжавшее и было у него въ торокахъ, но мало сравнительно было русаковъ, а лисицъ не пришлось, кажется, и травить. Четырехъ русаковъ затравилъ Великій Князь. Оказалось, что Его Высочество и ген. Г. были самыми счастливыми, остальные барскія своры не могли похвастаться — кто двухъ, кто трехъ, а нѣкоторые въ душѣ рвали на себѣ волосы. Въ особенности Н. И. К., которому ужъ очень насолили лисички на короткой и трудной перемышкѣ, сплошь заросшей густымъ бурьяномъ. Всего было затравлено что-то около 20 зайцевъ, и, кажется, одна лисица однимъ изъ борзятниковъ Великаго Князя.

Послѣ завтрака брали довольно рѣдкіе кусты по бугру. Онъ оказался сравнительно пустымъ. Не знаю, что сдѣлали дальнія своры, а около меня лишь одинъ А. А. С. затравилъ лисицу; травли я не видѣлъ — только слышалъ, она была рядомъ, за гребнемъ бугра.

Теперь предстояло равняться до самаго Першина. Какую дивную картину представляла вся охота, вытянувшись въ одну стройную линію своръ! Около 40 своръ, на почти равныхъ промежуткахъ, занимали, какъ мнѣ казалось, пространство около двухъ

версть. Крайнія своры были чуть видимы. Вотъ выравнились, и, тронувшись первымъ, Великій Князь увлекъ за собой всю эту длинную ленту людей и борзыхъ, одинаково жаждущихъ травнуть изъ-подъ копытъ свѣжаго, бойкаго, не бывшаго подъ гончими русака, травнуть на чистоту, по мягкому, способному для скачки грунту раскустившихся зеленей. Но, увы, поля которыми равнялась охота, не въ примѣръ прежнимъ годамъ не оправдали нашихъ надеждъ. Едва половина, сравнительно съ прежнимъ, было найдено зайцевъ. Куда дѣвались они, куда они провалились? Я думаю всякій ломалъ себѣ надъ этимъ неразрѣшеннымъ вопросомъ голову, проклиная несчастныхъ русаковъ. Вотъ и заманчивая вершинка густо поросшая дубнячкомъ. Завели гончихъ и только одного русака выставили на очень рѣзвую свору Великаго Князя, которая его мигомъ и сварила, не давъ полюбоваться на лихую ловлю. Переѣхавъ рѣчку и поднявшись въ бугоръ, побудили еще русака, но онъ ушелъ въ поросшую густыми зарослями рѣчку. Поле, которое по мнѣнію Великаго Князя должно было дать отъ 40—50 зайцевъ, сегодня ограничилось гораздо меньшимъ числомъ. Куда слѣзъ звѣрь—такъ и осталось досаднымъ вопросомъ, неразрѣшеннымъ и нерѣшимымъ. Наавтра предстояла дневка и загоны по фазанамъ.

IV.

«Ты на землѣ чистѣйшій отблескъ рая,
Твой мавзолей въ душѣ моей сокрытъ».

(Не помню откуда).

Послѣ того, какъ всѣ участники Першинскихъ охотъ, собравшись внизу въ клубѣ, кончили свои утренніе чай и кофеи, вышелъ Великій Князь и, немного побесѣдовавъ о предстоящемъ исполненіи программы сегодняшняго дня, пригласилъ одѣваться съ тѣмъ, чтобы сѣсть въ поданные экипажи. Всѣ упряжныя лошади, конечно, тоже были чалыя, рыже-чалыя и гнѣдо-чалыя, какъ, впрочемъ, и всѣ верховыя подъ охотой. Двѣ четверни въ русскихъ коляскахъ и два англійскихъ охотничьихъ экипажа составили нашъ кортѣжъ. Стояла довольно непріятная погода, но, конечно, неизмѣримо лучшая чѣмъ въ предшествующіе дни охотъ съ борзыми, какъ это обыкновенно и бываетъ. Этотъ порядокъ погоды, какъ бы утвержденъ гдѣ-то въ небесной канцеляріи и ничего съ этимъ безпорядкомъ не подѣлаешь. Можно ругаться, чертыхаться, но разъ дневка—хорошая погода, безъ вѣтра, съ утра не захватываетъ землю морозомъ, и изрѣдка даже проглядываетъ солнце, какъ бы желая поиздѣваться надъ изводящимися охотниками. Время незамѣтно прошло въ подобныхъ безплодныхъ размышленіяхъ и разговорахъ на эту тему и 3 вер., отдѣлявшіе насъ отъ мѣста фазаньихъ загоновъ, показались намъ очень короткими. Предстояло брать не самый фазанникъ, а отъемники, прилегающіе къ нему, для того, чтобы уцѣлѣвшіе фазаны сдались въ самый фазанникъ. Такъ было рѣшено Великимъ Княземъ поступать и въ предстоящія дневки, а затѣмъ, обойдя вокругъ фазанника и перегнавъ въ него птицу,—уже самое эльдорадо.

Пристроившись на указанный Его Высочествомъ

№, я очень удобно сѣлъ на дорожкѣ, расположившись на складной табуреткѣ. Вотъ прозвучалъ рожокъ завѣдующаго фазаньей охотой и начался загонъ. Въ началѣ все было тихо, но вотъ шмыгнулъ русакъ, вотъ другой оторопѣлыми свѣтложелтыми глазами силится разсмотрѣть настоящій человекъ передъ нимъ или это что-нибудь «только такъ». Носъ его усиленно работаетъ въ помощь глазамъ. Опредѣливъ, что это «только такъ», онъ садится уже вплотъ къ моимъ ногамъ, но, наскочившій на него внезапно изъ-за куста, пѣшій фазанъ испугалъ его и онъ помчался къ сосѣду.

Удивительно чуткая птица фазанъ. Онъ буквально, какъ на вожжахъ идетъ у загона. Стоитъ какому-нибудь флангу громче говорить, или шибче итти, какъ весь фазанъ стремительно кидается въ другую, болѣе тихую сторону. Замѣчательно легкая для управленія птица. Сперва весь фазанъ бѣжитъ, при чемъ старые пѣтухи, подымаясь ранѣ всѣхъ, громкимъ крикомъ предупреждаютъ стрѣлковъ о направленіи своего полета. Молодежь же стойко продолжаетъ бѣжать. Подымаются фазанки старыя и болѣе смѣлые молодые и ранніе пѣтушки. Наконецъ облава шагахъ въ 50 и тутъ же начинается каннонада. Фазаны, подбѣжавъ почти вплотъ къ дорожкѣ, тучей подымаются вертикально кверху и летятъ по разнымъ направленіямъ, поднявшись надъ верхушками деревьевъ. Надо слѣдить и за этими и за тѣми, которые налетаютъ на васъ отъ сосѣднихъ номеровъ, надо смотрѣть не курица ли, надо попадать, надо не горячиться и успѣвать брать 2-е заряженное ружье; словомъ, надо устоять и не ошалѣвать отъ наплыва всѣхъ этихъ обстоятельствъ и азарта. Но вотъ загонщики подошли вплотъ и со звукомъ рожка объ окончаніи загона кидаются, какъ гончія на прикормку заботливаго доѣзжачаго, на разстрѣлянные патроны, валяющіеся у ногъ стрѣлка. Загонъ кончился, азартъ остылъ. Считаютъ убитую птицу. Не такъ-то легко ее считать,—подбитая падаетъ часто не на глазахъ у стрѣлка, а

ее находятъ потомъ, провѣряя загонъ послѣ охоты. Послѣ второго загона, гдѣ я выпустилъ что-то около 15 выстрѣловъ подъ рядъ по чудно летѣвшимъ фазанамъ и всемазалъ, я такъ разгорячился, что былъ весь въ поту, правая рука тоже начала уже фальшивить отъ постоянныхъ ударовъ затылка ружья по кости и досада за постыдные промахи вызвала мигрень. Въ третьемъ загонѣ я залюбовался мѣткой стрѣльбой Его Высочества и гр. Н. Фазаны такъ и сыпались, такъ и валялись, какъ брошенные тряпки, мелькали въ воздухѣ красные пѣтухи, мѣдно-зеленые, мѣдно-красные. Конечно, здѣсь нѣтъ охотничьей страсти, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Но есть азартъ, азартъ очень высокаго класса—въ немъ первенствуетъ искусство и какъ ни странно—самообладаніе. Конечно я говорю объ искусствѣ мѣтко стрѣлять. Спортивное искусство требуетъ всегда самообладанія. Самообладаніе присуще не всѣмъ расамъ. Не потому ли русскіе не любятъ вообще спорта, что у нихъ полное отсутствіе самообладанія, говоря въ широкомъ смыслѣ слова; а ужъ тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ есть азартъ, а англичане, какъ представители хладнокровія, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и представителями всѣхъ возможныхъ видовъ спорта? Я думаю, что многіе изъ насъ находятъ удовлетвореніе въ сознаніи побѣды своего самообладанія въ минуту азарта. Это чувство, на первый взглядъ, какъ бы низводитъ азартъ съ пьедестала чистаго увлеченія, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ и извѣстную прелесть и удовлетвореніе въ побѣдѣ. Я чуть-чуть вдался въ анализъ, виновать, но маленькое разнообразіе, пожалуй, не поставится мнѣ въ упрекъ, тѣмъ болѣе, что я и сейчасъ ясно вспоминаю и ощущаю, какъ я во время азарта отбилъ себѣ затылкомъ приклада, отъ неправильной прицѣлки, правую руку. Да и какъ не увлечься мнѣ, кто поставитъ мнѣ въ упрекъ, что я влюбленъ въ мое божество—Діану. Но представляю я ее себѣ вовсе не такой, какъ ее изображаютъ, въ воинственной позѣ, неженственной, съ зелеными

vert bouteille глазами, и рыжую. Я рисую себѣ ее, божественную, такъ: тонкая, шатенка или брюнетка, стройная съ чудными формами, смѣлая и легкая фигура твоя какъ бы проткана неуловимой нѣжно-стью женщины, умной и энергичной. Я даже не представляю ее себѣ красавицей, но мягкая дымка красоты твоего чудно-симпатичнаго лица съ влажными порой, порой задумчивыми, добрыми, но и властными, сверкающими смѣлостью въ пылу душевнаго волненія и азарта глазами, дѣлають тебя столь привлекательной и обаятельной, что я сознаюсь... что я... мечтаю день и ночь. О, сѣроокая! и много перенесу, чтобы остаться твоимъ вѣрнымъ не поклонникомъ, но влюбленнымъ рабомъ, покорнымъ твоимъ чуднымъ сѣрымъ очамъ, женственности твоей, смѣлости, энергіи, уму и твоему не лживому сердцу. Преданнымъ тебѣ и вѣрнымъ! Да, я въ твоей власти. Ну, вотъ видите, куда азартъ приводитъ! Вотъ и высказаль все то, что давно было на душѣ. И какъ неожиданно это вышло!— Судьба! Судьба, гдѣ конецъ твоимъ прихотямъ, твоимъ капризамъ, чаще жестокимъ и безжалостнымъ? Будь милостива къ моему божеству и ко мнѣ до склона дней, не разлучай меня съ ней. Ахъ, какъ хорошо бываетъ на сердцѣ, когда знаешь такую прочную связь. Блаженное состояніе снисходить на душу отъ сознанія, что наконецъ-то мечты воплотились въ слова и что они услышаны, поняты и не будутъ приняты за обычную болтовню спортсмена, а за кровныя, вѣрныя слова псоваго охотника, всѣми помыслами любящаго свою богиню сѣроокою, готоваго еже-часно принести себя въ жертву на алтарь любви и страсти. Но странно, что вспоминаешь Діану не въ полѣ, а всегда дома, по окончаніи ѣзды. Тамъ на охотѣ, на полѣ страсти она не задѣваетъ душу. А вотъ теперь въ тиши, когда переживаешь все вновь — травли, гонъ, выводку бор-зыхъ, возвращеніе домой и, наконецъ, выставку, тутъ она опять плѣняетъ мысль, порабощаетъ все суще-

ство своей обаятельной красотой. Обожаемая богиня моя, слышишь ли ты этот хотя и неумѣлый, но искренній гимнъ мой? Ты, столь отзывчивая и чуткая, не можешь не обратить твоего вниманія на признаніе преданнаго тебѣ раба.

Пожалуй, супругу Діаны сѣроокой, если онъ бы былъ у нея, не очень бы понравился мой дифирамбъ. Боюсь что надоѣмъ восхваленіемъ и читателямъ (конечно не читательницамъ, которыя, того гляди, примутъ его по своему адресу). Боже, меня упаси—наживешь грѣха и враговъ въ лицѣ мужей. Итакъ, хоть и трудно, но лучше кончить и не дразнить гусаковъ.

Послѣ этой чудной дневки мы должны были брать наѣздкой поля, окружающія фазанникъ и близъ лежащія къ нему отѣмы и вершины, гончими. Я живо помню хорошее безвѣтреное, свѣжее утро. Еще за полъ-версты до привала, на поблекшемъ лугу красовалась вся громадная группа охоты. Въ сторонкѣ гончія—безотвѣтные работники, ближе къ намъ посворно борзья, вдоль дороги, по которой мы ѣхали.

Предстояло брать гончими мелкую заросль, десятинъ 10. Не успѣли и тронуться, какъ А. А. С. разомъ принялъ травить 2 русаковъ своими 4 сворами; изъ-подъ травли далеко вскочилъ третій русакъ. Первыхъ двухъ второчили. Вотъ и на лѣвомъ флангѣ кто-то азартно ухааетъ, кажется изъ борзятниковъ Его Высочества. Этотъ ушелъ въ мелоча. Но вотъ своры установились и милый, спокойный Ефимъ повелъ своихъ выжлять. Все тихо, все на чеку, все какъ-бы умерло; но вѣдь это наружное спокойствіе. А загляните-ка вы въ сердце того, кто, сидя на конѣ, держитъ свою любимую свору, въ компаніи съ какимъ-нибудь мур.-пѣг. „Пылаемъ“,—его любимцемъ, во главѣ. Взгляните-ка ему въ глаза и если вы хоть немного фізіономистъ, или просто наблюдательный человѣкъ, вы увидите въ нихъ затаенную искру того пыла и страсти, которыми скрашивается въ минуты травли все. Да, все! Все, чѣмъ отравлена жизнь, чѣмъ ис-

коверканъ свѣтъ и человѣкъ. Все лицо охотника какъ бы озарено внутреннимъ огнемъ, оно сіяетъ той едва теплящейся искрой надежды, что на него побѣжитъ звѣрь, что травить придется ему. А сердце? Что оно выдѣлываетъ въ эти чудныя минуты ожиданія! Наконецъ гончія наброшены и рассыпались по мелочамъ. Зарысили фланговые выжлятники. Ай-ай-ай!—тоненькимъ голоскомъ залилась, видно, выжловочка по зрячему, и дѣйствительно, въ мигъ подвалившая свѣжая стая варомъ варить, подхвативъ цвѣлаго лобана-русачину, который, молодчикомъ подтраивая и заломивъ одно ухо набекрень, фертомъ выносится изъ опушки и, обозривъ ближайшую свору, какъ-то весь нагнувшись на одинъ бокъ, горошкомъ забарабанилъ, описывая дугу, по упругому паровому полю. Смотрите теперь на того, кто лихо подается легкимъ галопомъ наперерѣзъ рѣзвому комочку. Посмотрите въ это мгновеніе въ его очи, въ его лицо, и вы поймете, что такое охотникъ и отчего онъ такъ любитъ свою богиню съ сѣроголубыми глазами. Вотъ когда онъ, не помня о ней, безсознательно находится въ ея власти. Но смотрите—вотъ „Пылай“, какъ легкій копчикъ, увѣренный въ своей быстротѣ, сжигаетъ отдѣляющее его отъ русака пространство. Вотъ онъ вихремъ налетѣлъ и, какъ бы ужаливъ его, промахнулся, кинувъ матераго-русака почти назадъ. Ахъ!—невольнo вырывается досадливое восклицаніе. Сердце въ унисонъ съ травлей то сдаетъ, то непомѣрно усиливаетъ свой темпъ, вѣрное тому или другому моменту травли. Сорвался было русакъ съ вѣрнаго направленія, сбитый громаднымъ и неожиданнымъ броскомъ. Но нѣтъ, вотъ онъ наддалъ во всю по знакомому лазу.—Ухъ его!—азартно подбадриваетъ борзятникъ свою любимую свору и справившіяся муруго-пѣгія бурей, разомъ накрываютъ русака. Мигъ, и онъ опять бѣжитъ. „Пылай“, „Пылаюшка“, наддай!—и вѣрный голосу и желанію своей хозяйки-Діаны, милый „Пылай“, черкнувъ какъ птица, закувыркался, не спуская русака.—„Ого-го, милый мой „Пылаюшка“, спасибо, до-

рогой „Пылушка“!—Вотъ когда охотникъ счастливъ, совсѣмъ счастливъ! Да, но гончія ведутъ уже другого, а вотъ и еще шумовой, налетѣвъ на свору Его Высочества, вмигъ попалъ въ торока. Досадно, оплошалъ голубчикъ и не далъ даже разсмотрѣть собакъ.

Мнѣ не пришлось травить. Что-то 6 русаковъ порадовали насъ въ этомъ мѣстѣ. Вызовъ поданъ, и всѣ трогаются по направленію къ Великому Князю, который, остановившись, показываетъ направленіе равненія и мѣста для каждаго въ линіи своръ. Минуть 10, я думаю, мы простояли, пока заѣхали крайнія своры. Далеко, далеко виднѣются фланговья—съ версту до нихъ. Великій Князь тронулъ коня и все разомъ колыхнулось и тронулось въ пологій бугоръ. То тутъ, то тамъ выкатившій изъ-подъ полыночка русачокъ вытягивалъ собакъ въ струнку, но рѣдкій могъ удрать. Отсядетъ, оторвется отъ передней собаки, будто и уйдетъ, но нѣтъ, вотъ набрали и, швырнувъ разъ-другой, поймали.

Мнѣ не везло. Кругомъ всѣ травили, а я только наблюдалъ и мой любимецъ «Кинжалъ», еще ни разу не скакавшій даже, пересталъ азартиться, рѣшивъ, что я безжалостный, каменный человѣкъ,—не хочу дать ему потѣшиться.

Наконецъ мы добрались до бугра и, перемѣнивъ фронтъ налѣво, заравнялись къ отдаленному версты на $1\frac{1}{2}$ —2 лугу. Все поле, которое намъ предстояло пройти, перерѣзанное межами заросшими громадными полынами и дикой рябиной, сулило много русака, много радости. Да и много травили. Красиво было смотрѣть съ пологого ската, по которому мы тихонько спускались, какъ изъ-подъ заѣзжавшаго лѣваго фланга своръ то и дѣло вскакивали русаки. Почти всѣ попали въ торока. По моему счету ихъ должно было быть 14 съ начала равненія. Я все не травилъ—Діана отвернулась отъ меня на сегодня окончательно, предпочитая флиртовать съ другими. Не кокетка-ли она? Нѣтъ ничего хуже этого, конечно, если его много. Остáva-

лось только смириться, хоть и съ отвращеніемъ — ненавижу пассивныя роли, когда приходится подчиняться капризу. Постепенно, забирая лѣвымъ плечомъ, линія своръ выбралась на новое направленіе къ очень длинной, версты съ $1\frac{1}{2}$, вершинѣ, которую предстояло брать съ гончими. Своры раздѣлившись заняли обѣ стороны, не забывъ, конечно, беречь головку и ножку этой громадной, поросшей дубнякомъ вершины. Завели гончихъ. Онѣ скрылись, какъ по командѣ и долго не натекали. Противъ меня нашли онѣ перваго русака и онъ, выбравшись на бережокъ, лихо забарабанилъ къ головкѣ, гдѣ его чуть не протравили, благодаря кустамъ. Гончія прорвались въ сосѣдній островъ, почти прилегающій къ ней, и мы минутъ съ 10 стояли, дожидаясь ихъ возвращенія. Завели опять, и опять — русакъ; но этотъ дернулъ къ Алешнѣ и, попавъ на своры ген. Г., скоро былъ пойманъ. Завели опять и — опять русакъ, и опять пойманъ одной изъ Великокняжескихъ своръ. Травилъ и Его Высочество, но, кажется, неудачно: русакъ, отдѣлавшись подъ самой опушкой, успѣлъ ввалиться въ вершину и былъ пойманъ при помощи гончихъ. Много травили. Вотъ Яшка, одинъ изъ стремянныхъ Великаго Князя, почему-то тронулся и поѣхалъ по направленію къ Его Высочеству. Подѣхалъ, что-то, видимо, докладываетъ. Отдѣлился отъ группы кто-то и безъ собакъ, на рысяхъ тронулся по направленію къ намъ. — «Должно быть Яшка подозрилъ», — говорю я Федору. Да, верховой спустился въ оврагъ и поднявшись держитъ на меня. — «Ну что?» — «Пожалуйте, ваше с—во, Его Высочество предлагаетъ вамъ травить подозреннаго». — Чувствую, какъ лицо мое расплывается въ улыбку и рука невольно тянется къ шапкѣ, которую я и подымаю въ знакъ благодарности, думая, что Великій Князь слѣдитъ за этой нѣмой сценой; не знаю видѣлъ-ли Великій Князь этотъ жестъ благодарности. — «Хорошо, доложи Великому Князю, что сейчасъ ѣду». — По пути меня встрѣтилъ Яшка и мы тронулись къ русаку. — «Гдѣ же онъ лежитъ»? —

«А вонъ полоска гречихи, такъ на томъ концѣ». — «А головой куда»? — «Туда». — «Куда туда»? — Чувствую уже, что нервы заиграли и голосъ вотъ, вотъ задрожитъ. — «Туда, такъ туда», — думаю себѣ. — «Эта, что-ли, полоска»? — «Такъ точно, эта», — шепчетъ Яшка. Сердце мое играетъ какой-то фантастичный маршъ. Жарко. Фу, какъ волнуясь. — «Ну гдѣ же онъ»? — «Да вотъ сейчасъ тутъ», — еле лепечетъ Яшка. Полоска вотъ сейчасъ кончится, а русака нѣтъ, какъ нѣтъ. — «Не ошибся-ли»? — проносится въ головѣ догадка. — «Вонъ онъ лежитъ». — Эти три слова какъ жаломъ укололи меня. Ничего не вижу. — «О, Господи, да гдѣ же?» — «Вотъ гдѣ!» — И матеряющій русакъ, какъ ракета вырывается въ 2 шагахъ впереди меня. — «Ухъ его!» — какъ-то со злостью на русака, не то изъ-за боязни неудачи, что русакъ отдѣлается, но интонація этого — «Ухъ его» — была, мнѣ помнится, несимпатична. Слышался неуверенный, трусливый какой-то тонъ, не тотъ уверенный, побѣдный, сопровождающій любимыхъ собакъ, когда онѣ доведены до удара, вымаханы и каждый побѣжавшій звѣрь, по большей части, попадаетъ въ торока, вопросъ лишь во времени. Спокойно, болѣе или менѣе, наблюдаешь ловлю, уверенный въ побѣдѣ. Теперь же полнѣйшая неуверенность и *manque de sangfroid*.

По тому, какими ногами бросалась моя свора къ русаку, я было подумалъ въ первое мгновеніе, что его осадятъ, но ошибся. Русакъ не давался, заложивъ оба уха, онъ бросался только изъ стороны въ сторону на крутыхъ повихахъ. Видно стало, что его не осилить мои, не втянувшіяся и не вымаханная борзья. Разстояніе между нимъ и собаками не увеличивалось, но и не сокращалось, а мѣсто уже пошло въ бугоръ. Вотъ однако выбирается кр.-пѣг. „Пѣсня“, по второй осени, Федоровой своры, обсчитываетъ всѣхъ и, завладѣвъ русакомъ, бросаетъ его прочь отъ мелочей, куда онъ налаживался. Еще разъ она настѣдаетъ на него подъ самой опушкой, но не захвативъ молодчика передаетъ его

«Кинжалу» и вся компанія съ трескомъ влетаетъ въ опушку. Не люблю я этого, — такъ и хочется закрыть глаза изъ-за боязни, что вотъ-вотъ на глазахъ какая-нибудь разобьется о деревья. Дѣлать нечего — русакъ ушелъ. Ну, конечно, на душѣ горечь и прочія ощущенія, обвиняешь даже ни въ чемъ неповинныхъ собакъ, словомъ — протравка. Грустно было возвращаться, досада вѣдалась въ сердце и я былъ очень радъ, что скоро былъ поданъ вызовъ; но какъ назло гончія то и дѣло нарывались на запавшихъ и гонъ, ни на минуту не прерываясь, все гремѣлъ. Затравили еще 4 русаковъ, пока удалось выбраться.

Въ слѣдующемъ островѣ затравили всего одного бѣляка; положимъ, его проходили на спѣхъ, такъ какъ онъ одной стороной прилегаетъ вплотъ къ острову, который Великій Князь не беретъ. Было уже поздно и пора завтракать. Съ удобствомъ и аппетитомъ кончивъ, тронулись на лазы. Мнѣ предложено было стать тутъ-же въ 100 шагахъ, и я стоялъ одинъ на этой сторонѣ. Лазъ хорошій, я зналъ его по тому, что на дневкѣ уголь этого острова брали на ружья. Конечно, не зайцевъ стрѣляли, а фазановъ, стоялъ я здѣсь-же и любовался, какъ бѣляки во всѣ ноги удирали черезъ это мѣсто, гдѣ мнѣ теперь пришлось стоять. Зайцевъ было много. Едва набросилъ Ефимъ стаю, какъ она разомъ подхватила и — пошла работа. Кто-то неистово заатукалъ и заухалъ на той сторонѣ; мурашки у меня забѣгали отъ этого азартнаго атуканья. Ужъ очень, видимо, хотѣлось борзятнику второчить, это былъ сплошной стонъ, просьба, назойливое и настойчивое требованіе, чтобы собаки поймали. Тутъ-же, по слуху, я заключилъ, что и стая вылетѣла по этому русаку въ поля и, присоединивъ свой страстный, захлебывающійся гонъ, сплошной гулъ голосовъ, образовала тотъ хаосъ звуковъ, отъ котораго замираетъ все существо псоваго охотника. Это тотъ мигъ, когда его душа не здѣсь на землѣ, а тѣло его, умеревъ для окружающаго, живетъ только въ предѣ-

лахъ той страсти, которая выливается въ этотъ хаосъ созвучій.

Если сразу взять себя въ руки и прислушаться къ этому состоянію, то, благодаря интенсивности чувства, можно уловить и понять это небытіе. Вы уловите, что душа ваша, или нервы дрожать самой тонкой, самой мелкой и мягкой дрожью. Я думаю, что удачно можно сравнить въ этомъ случаѣ наши нервы со струной, которую настроивъ въ тонъ съ другой и не трогая ея, а ту другую, вы получите тотъ-же отзвукъ, она будетъ дрожать тончайшей, еле замѣтной дрожью, отвѣтивъ въ тонъ тѣмъ же звукомъ, который извлеченъ вами изъ первой струны. Это ощущеніе бываетъ и внѣ охоты. Вспомните какой-нибудь случай изъ своей жизни, когда недоговоренныя слова и фразы разъяснялись вамъ нервами; конечно, не во время дѣловаго разговора, нѣтъ, я прошу вспомнить случай аналогичный, когда ваша душа такъ же парила, а существо ваше, тѣло, только какъ-бы невольно присутствовало при тѣхъ созвучіяхъ страсти, о которыхъ я говорю и которыя какъ тамъ, такъ и здѣсь переполняли два существа.

Я однако «увлекся», что дѣлать—это удѣлъ тѣхъ нервовъ, которыми меня наградила жизнь, природа, судьба. Нервы мнѣ мѣшаютъ писать, хочется много небытія, хочется мечтать, прислушаться къ мягкимъ аккордамъ, неслышно звенящимъ въ душѣ моей такъ сладко, такъ больно. Однако мнѣ даже совѣстно за мои признанія, не передъ сѣроокой, нѣтъ, она, чуткая, пойметъ меня, пойметъ мое волненіе, а неловко, что, начавъ травить, перешелъ въ другую область и никакъ не могу оторваться отъ грезъ, даже романсъ: «О думы, о грезы!» пришелъ невольно на память.

Однако травятъ беспощадно на той сторонѣ. Русакъ, о которомъ шла рѣчь, былъ пойманъ—столь же радостно борзятникъ отгойкивалъ борзыхъ, какъ азартно и страстно онъ ухалъ. Гончихъ сбили, но не успѣли онѣ разсыпаться, какъ вновь подхватили

по зрячему, опять на ту сторону. А вотъ и шумовой картаетъ ко мнѣ. Ненавижу я шумовыхъ бѣляковъ—бѣжитъ онъ тихо, на ходу прислушиваясь ко всему, осматривается, останавливается и вдругъ глупо, безъ всякой причины, дернетъ куда-нибудь въ сторону, перебуражитъ борзыхъ и, отчетливо отбивая задними пазанками, скроется въ опушкѣ. Такъ и этотъ—подразнилъ только. Не успѣлъ онъ скрыться, какъ его же слѣдомъ выскочилъ другой шумовой и, какъ оглашенный, полетѣлъ мнѣ въ ноги. Я даже не сбросилъ борзыхъ, такъ онъ былъ комиченъ въ своей торопливости. Налетѣвъ вплоть, онъ сразу сѣлъ и, сообразивъ, что дѣло дрянъ, кинулся опять со всѣхъ ногъ обратно. Я сбросилъ свою свору, но онъ, шельмецъ, зналъ, что дѣлалъ: какъ только борзые накрыли его, онъ моментально сѣлъ и, бросившись назадъ ко мнѣ въ ноги, благополучно отдѣлался, скатившись въ овражекъ. Долго я не могъ высвистать своихъ обазартившихся борзыхъ. Гонъ гремѣлъ не переставая, и выводили все на ту сторону. Наконецъ, гончихъ вызвали и мы тронулись дальше.

Предстояло взять послѣдній на этотъ день длинный островъ, протянувшійся перпендикулярно къ этому и отдѣленный отъ него перемычкой шаговъ въ 500 въ ширину. Здѣсь Діана наконецъ обратила свои сѣро-голубые глаза на меня, можетъ быть и соскучилась по мнѣ (какова самоувѣренность!), но во всякомъ случаѣ смилостивилась. Его Высочество предложилъ мнѣ стать рядомъ съ нимъ; лѣвѣе меня съ другой стороны сталъ Н. И. К. Лазъ оказался наисимпатичнѣйшимъ, вѣрнымъ: спиной къ только что взятому острову, впереди паровое поле. Одно обстоятельство мнѣ не нравилось: какъ разъ противъ меня, шагахъ въ 100, была широчайшая и глубочайшая яма и притомъ совершенно незамѣтная даже на самомъ близкомъ разстояніи. Ужасно я боялся ея, того гляди, что влѣпишь въ нее собакъ. Гончихъ повели налѣво, къ концу острова. Своръ десять были въ моемъ кругозорѣ, огибая оконч-

ность острова. Предвкушая если и не травить самому, то все-же видѣть, какъ будутъ тѣшиться другіе, я довольно долго примащивался на лазу, желая какъ-нибудь избѣжать травить черезъ эту яму. Никакъ мнѣ это не удавалось; злило меня и то, что Н. И. К., подѣхавъ ко мнѣ, вздумалъ отжилить у меня это мѣсто, увѣряя, что Великій Князь ему предложилъ стать тутъ. Никакіе доводы долго не могли его убѣдить, и пришлось попросту сказать, что я не уѣду отсюда, ибо приказано мнѣ лично стать здѣсь, у столбика на углу. Съ тѣмъ онъ и отѣхалъ. Этакая жила, съ позволенія сказать. И вѣдь если бы онъ ничего не травилъ съ утра, ну еще понятна бы была такая настойчивость, а то три русака уже второчилъ и все ему мало. Мало того, когда я сбросилъ своихъ собакъ по бѣляку, и борзые, завладѣвъ имъ, били его на крутыхъ угонкахъ близко отъ него, онъ ничего не нашелъ лучшаго, какъ подбросить своихъ. Какая пойма, его или моя, я не помню, но зато ужъ и поблагодарилъ я его отъ души здѣсь, на мѣстѣ жительства и шкурятничества, да и дорогой въ коляскѣ, когда ѣхали обратно домой. Да вѣдь какъ и не поблагодарить—подбросилъ явно изъ-за того, что я не пустилъ его на свое мѣсто. Долгъ однако платежъ красенъ и слѣдующаго же бѣляка, летѣвшаго прямо на него, я перескакалъ и моя сучка въ совмѣстной ловлѣ поймала. Однако перваго побѣжавшаго бѣляка я не травилъ и именно изъ-за этой проклятой ямы. Подался я къ бѣляку раньше, чѣмъ слѣдовало, думая насадить его на Великаго Князя, ясно видя, что собаки должны по ходу дѣла попасть въ яму, но этотъ маневръ былъ мнѣ поставленъ въ большой минусъ. Его Высочеству казалось, что это былъ просто охотничій промахъ и онъ, лихо затравивъ этого бѣляка, подтрунивалъ надо мной по окончаніи охоты. Побѣждалъ еще бѣлякъ на меня, котораго чисто срѣзалъ мой чубарый «Кинжалъ» уже въ самой опушкѣ. У меня даже на душѣ просвѣтлѣло—я былъ удовлетворенъ.

Что-то около 35—40 зайцевъ было затравлено въ это поле. Солнце садилось, темнѣло зарево заката. Тѣни ложились, окутывая окрестности темно-фіолетовой дымкой. Стало свѣжо. Сдавъ борзыхъ своимъ людямъ, сѣли въ коляски и ужъ совсѣмъ по темному подѣхали къ ярко-сіявшему огнями Першинскому дворцу.

V.

Теперь предстоитъ возстановить, нѣтъ, возстановить—это громко сказано, но плохо реставрировать, перенеся на бумагу, вниманію благосклонныхъ читателей одно интересное поле, начало коего какъ разъ тамъ, гдѣ мы только что кончили. Предстояло проравняться отъ этого мѣста версты 2 по самымъ зайчистымъ мѣстамъ, по первокласснымъ. День выдался удачный—вѣтра почти не было и я съ бодрымъ духомъ, послѣ вчерашнихъ затравленныхъ мною бѣляковъ, принялъ отъ Федора моихъ неизмѣнныхъ, все однихъ и тѣхъ же «Кинжала» и «Джигита». Не я одинъ, я думаю, рисовалъ на сегодняшній день побѣдные лавры.

Выравнявшись, заняли какъ всегда громадную линію; Великій Князь по срединѣ, остальные барскія своры вправо и влѣво отъ него. Какъ теперь вижу отчаянную ловлю перваго, рискнувшего вскочить, русака. Ловила его половая въ черенкахъ свора борзятника Его Высочества. Сука, зажадничавъ, выкинулась, не присноровилась и, зацѣпивъ передними ногами за рубежъ, жестоко закувыркалась по паровому полю. Русакъ летѣлъ во всю въ спасительную опушку прямо на мой вчерашній лазъ. Справившись, съ ушей, оборвала своихъ односвор-

никовъ сука и, красиво, увѣренно подлетѣвъ къ русаку, какъ грибокъ сняла его.

Впереди заманчиво тянули къ себѣ рубежи, густо засоренные полынкомъ, и невольно сжимаешь и поталкиваешь лошадь, подавая ее впередъ, скорѣе туда, къ этимъ подозрительнымъ межамъ. Наконецъ, въѣхали. Своры тщательно осмотрѣны, тихонько подсвистывая мы ежесекундно ждали, что вотъ-вотъ изъ-подъ впереди лежащей межи выерзнется русачокъ. Но нѣтъ, уже съ четверть версты или болѣе равняемся мы и тщетно ждемъ! Наконецъ добрались до бугра. Приостановились, выравнялись вновь. Ну, думаю себѣ, должно быть настаетъ рѣшительная минута. Дѣйствительно. Не успѣли мы тронуться, какъ разомъ вскочило 3 русака на лѣвой половинѣ. Изъ-подъ этихъ травлъ—еще 2; подбросили свѣжія своры и лѣвый флангъ опустѣлъ. Все поле было покрыто мелькающими борзыми, всадниками, русаками. Своръ 10—12 травили въ разныхъ направленіяхъ разомъ, кто чужого, кто своего. Борзые сносились съ одного на другого, и въ концѣ концовъ былъ моментъ, когда одна борзая скакала по одному русаку, а штукъ 10—12 по другому. Травли попадали другъ другу впоперекъ, по угону и встрѣчу. Былъ порядочный хаосъ. Хорошо было, стоя на мѣстѣ, наблюдать эту оживленную панораму. Наконецъ кое-кто скрылся изъ виду, кто торочилъ и мы тронулись, не дожидаясь, когда они управятся. Счастье, по большей части, приходитъ тогда, когда его менѣе всего ожидаешь! Едва мы проѣхали 10 шаговъ, какъ изъ-подъ ногъ «Прелестницы» Федора, ѣхавшаго у меня справа, вылетѣлъ русакъ и покати́лъ поперекъ рубежей. «Кинжалъ» мой, какъ орелъ насѣлъ на русака и, непрерывно мотая его, ладился зацѣпить поудобнѣе и не упасть—кобель большой, неопытный въ ловлѣ, постоянно проявлялъ эту неумѣстную осторожность. Этой нерѣшительностью и хотѣлъ воспользоваться одинъ изъ рѣзвѣйшихъ кобелей А. А. С. Онъ ловко заѣхалъ съ боку и вотъ—

вотъ побѣда была бы вырвана у меня изъ рукъ. Но и сучка моя «Украза» замѣтила этотъ ехидный маневръ; скакавшая все время въ уровень съ русакомъ, она только и ждала удобнаго момента. Видя, что русакъ можетъ достаться чужой собакѣ, она лихимъ броскомъ вырвала его изъ - подъ шипца у своего и чужого кобеля, покотившись съ русакомъ въ зубахъ по мягкимъ зеленымъ. Я былъ очень доволенъ. Мой любимецъ «Кинжалъ» показалъ себя, если и не поймавъ самостоятельно, то все же я увидѣлъ въ немъ, по характеру скачки и движеніямъ, рѣзвую собаку. Пріятно воочию убѣдиться, въ какомъ-либо достоинствѣ любимаго существа, пріятно для самолюбія и отъ этого, вѣроятно, предметъ любви дѣлается еще дороже. Не надо однако увлекаться анализомъ, а то опять, чего добраго, перейду на восхваленіе и признанія, а это и «ей» покажется скучнымъ и однообразнымъ и, какъ женщина, Діана, не лишенная присущихъ ея полу качествъ, пожалуй, отвернется отъ меня совсѣмъ — упаси, Господи!

Вообще сегодняшній день меня порадовалъ и дальнѣйшимъ своимъ теченіемъ. До перваго острова, который предстояло брать, травилъ еще Его Высочество. Но при рѣзвости его собакъ травля проходитъ такъ скоротечно, что нужно громадное вниманіе для того, чтобы не отстать глазами и памятью за ежесекундно мѣняющейся перепетіей ловли. Это ураганъ, а не ловля. Еле успѣваешь слѣдить, русакъ же является просто игрушкой, а нетрудно достающимся объектомъ охоты. Такъ и тутъ — русака буквально сожгли какъ молніей три чуб.-пѣг. собаки: «Цапля», «Армавиръ» и, не помню какая, третья.

Въ то время какъ брали первый островъ, рядомъ съ хуторомъ, произошелъ опять маленькій хаосъ. Во-первыхъ своры Великаго Князя, шедшія на мѣста, никакъ не могли дойти до нихъ; онѣ не успѣвали травить вскакивающихъ русаковъ. Казалось, что русаки собрались здѣсь со всей округи и

рѣшили дать здѣсь сраженіе, цѣлью котораго было не допустить кинуть гончихъ въ этотъ островъ. Со стороны было просто смѣшно смотрѣть на эту заячью вакханалію. Ну вотъ, казалось, больше травить не будутъ—все кончено. Нѣтъ, смотришь, опять кто-нибудь травить. Но всему бываетъ начало и конецъ. Наконецъ успокоились всѣ. Гончія наброшены. Ген. Г., стоявшій рядомъ со мной, какъ будто нервничаетъ, его черненькія англичанки тоже не выдерживаютъ характеръ и волнуются. Гонъ, приближавшійся прямо къ намъ, вдругъ завернулъ, и Н. И. К., стоявшій на самомъ лѣвомъ флангѣ, но отлично видный намъ изъ-за того, что своры стояли дугой, сталъ травить. Въ этотъ же мигъ прямо на генерала выкатилъ другой шумовой. Англичане его, взвозрившіеся на травлю Н. И. К., никакъ не хотѣли взглянуть близившагося къ нимъ ихъ русака. Погорячившійся стремянный генерала сбросилъ своихъ псовыхъ, генералъ, думая, что его черненькіе поскачутъ таки по псовымъ, сбросилъ тоже. Но не тутъ то было—оба англичанина заройлись на дальнюю травлю, а русакъ, опрокинувшись назадъ въ островъ, провожаемый энергичными восклицаніями генерала благополучно добрался до острова. Несмотря на крѣпчавшій вѣтеръ, отчетливо былъ слышенъ густой раздраженный басъ генерала, удалявшагося на своемъ англо-арабѣ мѣрнымъ манежнымъ галопомъ за тридевять земель къ лѣвому флангу. Яснѣе всего до меня долетало: «да, чортъ возьми, Н. И!..» А Н. И. гладилъ и гладилъ все далѣе, увлекая генеральскихъ англичанъ. На грѣхъ и изводъ для генерала, когда его черненькіе были уже почти у цѣли, изъ опушки вынесся новый, свѣжій русакъ и ошалѣвшія собаки кинулись по новому направленію. Дальше мнѣ не стало видно—травля скрылась за выступающимъ угломъ острова. Но все же перепетія эта кончилась удачею для генерала, онъ затравилъ двухъ: одного поймали въ его отсутствіе, а другого привезъ онъ самъ. Всѣ русаки, какъ сговорившись, бѣжали на Н. И. К. и

онъ безъ перерыва травилъ и травилъ. На нашу сторону ничего болѣе не бѣжало.

Второй островъ, лежавшій рядомъ черезъ большую дорогу, былъ еще зайчистѣ перваго. Тутъ гончія буквально не замолкли ни на секунду. Что дѣлалось влѣво за бугромъ, гдѣ стояли Великій Князь и кн. Ш., я не знаю—не видѣлъ. Слышно было безпрестанное атуканье, уханье и лошадиный глухой топотъ, очевидно, травили и конечно успѣшно: 5—6 зайцевъ второчилъ Его Высочество. Я тоже ловко вздернулъ бѣлячишку, А. А. С. заполевалъ лисичку, стоя на оврагѣ. Ген. Г.—двухъ или даже трехъ русаковъ второчилъ, Н. И. К.—пару и, наконецъ, чтобы оставить хоть сколько-нибудь зайцевъ для завода, былъ поданъ вызовъ.

За спиной у насъ симпатично попыхивала походная кухня и мы живо собрались въ пустую ригу за столъ, чтобы отогрѣть озябшія ноги и руки. Августѣйшій Хозяинъ былъ въ духѣ, затравивъ 5 штукъ, гости—тоже, и завтракъ быстро былъ поконченъ. Всѣ ждали продолженія этого чуднаго поля. Вершина, которую брали тотчасъ-же, тоже была набита русакомъ, но онъ весь бѣжалъ въ ножку къ А. А. С. и на ту сторону. Затѣмъ мы переѣхали опять къ хутору и, взявъ отъемничекъ, сравнительно не столь зайчистый, тронулись къ большой ольховой болотинѣ, гдѣ всегда держались лисицы. Что здѣсь было звѣря—сказать нельзя. Я до того до-травился, что пришлось пропустить трехъ русаковъ: борзые мои не въ состояніи были скакать, набивъ себѣ оскомину на первыхъ двухъ, которыхъ я травилъ и одного изъ коихъ поймали. Собаки мои, попавшія въ такую передѣлку, прямо таки сдали. Но вотъ наступившій перерывъ въ этомъ потокѣ звѣря далъ возможность вздохнуть имъ.

Великій Князь, посылая меня къ стогамъ сѣна, предупредилъ, что здѣсь, на этомъ лазу, всегда бѣжитъ звѣрь такъ, что можно напортить и себѣ и сосѣднимъ сворамъ. Ужасно мнѣ было бы непріятно, если-бы повторились и у меня чужія ошибки. Его

Высочество стоялъ лѣвѣе меня на водомоинѣ противъ угла и чуть лѣвѣе его, я—съ правой стороны. Какъ только я заѣхалъ на лазь, сразу же увидѣлъ слабую сторону позиціи моей, но слова: «посмотримъ, посмотримъ, какъ вы станете», — сказанныя мнѣ въ догонку, не придавали мнѣ хладнокровія и я долго маячилъ кругомъ стоговъ, примѣриваясь то съ одной, то съ другой стороны. Я видѣлъ, что лисица должна бѣжать съ угла и могъ попасться ей на глаза, а это было вполне возможно и значило—вернуть ее назадъ. Стать по другую сторону стога тоже было рискованно,—а ну какъ прозѣваешь! Впереди стоявшій стогъ закрывалъ мнѣ предательскій уголь болотины, а не оправдать довѣріе Его Высочества, поставившаго меня на этотъ отвѣтственный, трудный лазь, куда какъ не хотѣлось.

— А, вотъ она голубушка! — Неожиданно, во время перемолчки гончихъ, она, какъ тѣнь вдругъ предстала на лугу. Уже шаговъ 50 отдѣляло ее отъ болотины. Вся на виду, легко и воровато, едва прикасаясь къ землѣ она плыла на Великаго Князя, озираясь на меня. Счастіе мое, что я, становясь, увидѣлъ маленькій взлобочекъ у себя подъ ногами—за него я и укрылъ своихъ борзыхъ. Онѣ лежали и лисичкѣ былъ виденъ только я одинъ, стоявшій какъ истуканъ, не смѣя даже прямо посмотреть на нее, красотку. Вотъ она, убѣдившись въ моей благонадежности, двинулась галопомъ. Великій Князь, чуть выждавъ, тронулся сопровождаемый сворой своего стремяннаго Яшки и, указавъ лисицу, поскакалъ. Какъ ошпаренная она кинулась въ мою сторсну, но вскочившія борзые мои одну секунду сбили ее съ толку, она заметалась, но тутъ же рѣшивъ, что спасеніе ея въ болотинѣ,—полетѣла къ углу. Что она дѣлала подъ азартнымъ натискомъ своры Его Высочества! Вьюномъ вертась и ускользая отъ обазартившихся борзыхъ, которыя ее никакъ не могли захватить, она, шельма, близилась къ болотинѣ. Видя, что можетъ произойти непріятность, я сталъ подаваться, желая ее отрѣзать отъ угла.—

«Береги, береги!»—это кричитъ Великій Князь, увидавъ, какъ и я, что еще 2—3 секунды и она можетъ уйти. Мнѣ только этого и надо было. Свора сброшена и свѣжая подмога рѣшаетъ участь красивой огневки. «Пѣсня» моя ловить ее.—Ну, слава Богу, не проворонилъ!—думаю себѣ. Не успѣли мы стать, какъ опять налетѣлъ русакъ—пропустили его на сосѣднія своры, гдѣ онъ показалъ себя. Слѣдующаго я сталъ травить и затравилъ у самой деревни. Удовлетвореніе было полное, день удачный. По дорогѣ къ Першину еще травили и уже совсѣмъ было темно, когда мы, переполненные удачами сегодняшняго дня, подъѣхали къ дворцу. Ужинъ прошелъ оживленно, спорили, вспоминали, винили и оправдывали, кто собакъ, кто сосѣда, а кто и себя самого (что бываетъ рѣже всего).

VI.

Мнѣ остается pour le dernier coup de brosse описать послѣднее оригинальное поле-садки въ Першинѣ, чтобы имѣть право подумать, что читатели мои такъ же весело провели время за чтеніемъ того, что я перечувствовалъ тамъ. Прошу не сѣтовать тѣхъ, кого я не удовлетворилъ — я не присяжный борзописецъ. «Записки и признанія» мои не ровны, я это знаю, но вѣдь пишетъ-то «душа» охотника — этимъ я думаю все сказано. Итакъ, послѣднее поле-садки заключалось вотъ въ чемъ.

Прямо противъ Першина на заливному лугу есть островъ, кругомъ почти въ лугахъ.

Его Высочество рѣшилъ его брать безъ гончихъ, съ одними загонщиками. Они должны были частой цѣпью стать въ одну линію съ флангами, далеко выходящими, на луга и итти шагъ за шагомъ, тихо двигаясь отъ одного конца острова къ другому. Почти всѣ своры собрались у одного изъ фланговъ, а другія у другого и часть противъ конца острова. Его Высочество остался у фланга съ большинствомъ своръ. Дѣло въ томъ, что зайцы должны были бѣжать сюда. Прямо къ концу острова имъ не было расчета бѣжать — тамъ рѣка и они подъ напоромъ загонщиковъ вылетали къ намъ въ поле, параллельно полевымъ фланговымъ загонщикамъ. Здѣсь очередная назначенная Великимъ Княземъ свора становилась у фланга и, наждавъ бѣгущаго русака или бѣляка, показывала его и травила. Это была удивительная охота. Ну, не охота, въ буквальномъ смыслѣ, ибо не было гончихъ, но облава. Хорошо было тѣмъ, что каждая травившая свора была у всѣхъ на виду, каждая угоночка, повихъ — все какъ на собственной ладони. Зайцы вылетали какъ на садкахъ, ровно, параллельно флангу, описывая очень пологую дугу. Загонщики по командѣ трогались и

такъ же останавливались. Конные борзятники и выжлятники равнялись съ ними въ одной линіи и вводили порядокъ. Все шло стройно, безъ суеты и сбиванія въ кучу. День былъ теплый, безъ вѣтра, солнечный. Зайцы сыпались безконечно, казалось, что имъ негдѣ даже было жить, такъ сравнительно ихъ было много съ величиной острова Тѣ, у кого было по 2—3 своры безпрестанно травили. Великій Князь тѣшился во всю, желая прикинуть собакъ своей своры. Эхъ, и какія же собаки! Что тутъ дѣлали нѣкоторыя изъ нихъ—ума помраченіе! Чубаропѣгіе въ особенности—«Армавиръ» молодой, «Таскай»! Эхъ, что это за созданія!..

Своры чередовались, однѣ подъѣзжали и становились къ крайнему фланговому загонщику, наживая очереднаго зайца, вторая въ это время ловила предыдущаго, предпоследняя уже по большей части поймавъ косоглазаго—торочила, другія проваживали борзыхъ. Далеко впереди, противъ угла острова, тоже изрѣдка шла травля слишкомъ осторожнаго и будкаго бѣлячишки, думавшаго надуть здѣсь и попавшаго изъ огня да въ полымя тамъ. Крикъ загонщиковъ, голосъ роговъ, уханье и изрѣдка нетерпливое подвизгиваніе борзыхъ, скачущія борзья, лошади, все это на фонѣ яркихъ зеленей представляло чудную оживленную картину. Я искренно пожалѣлъ, что человѣчество еще не дошло въ искусствѣ до того, чтобы передавать одновременно на полотно не только видимое, воздухъ, движеніе, но тѣ звуки, которые зачастую сопровождаютъ нѣкоторыя впечатлѣнія. Какая могла бы получиться иллюзія, какое впечатлѣніе!

Однако зайцы стали рѣдѣть, травли тоже стали рѣже. Кто второчилъ 8, кто 10, а иные, у которыхъ было 4 смѣнныхъ своры, даже 12 зайцевъ. Его Высочество затравилъ что-то около 20 штукъ. Вашъ покорнѣйшій слуга, имѣя всего налицо одну свору, затравилъ двухъ бѣлячишекъ. Вотъ зазвенѣлъ рогъ объ окончаніи и всѣ участвующіе потянулись къ сборному мѣсту, къ экипажамъ. Всѣ были довольны,

радостно настроены—собачки поразмялись. Этим полемъ закончились фееричныя Першинскія охоты въ эту осень.

Грустно и тоскливо было слѣдующее утро, утро назначенное Его Высочествомъ для своего отъѣзда. Каждый, кто въ слухъ, кто про себя клялъ судьбу неумолимую и страстно желалъ отсрочки, но «что сказано—сдѣлано» и Его Высочество, позавтракавъ, прѣстился съ нами, а мы, кто какъ умѣлъ, искренно поблагодаривъ за незабвенные дни проведенные въ Першинѣ и пожелавъ счастливаго пути-дороги, проводили его до коляски.

До свиданья, милое Першино — цѣлитель всѣхъ болѣзней и ранъ, до свиданья, источникъ чистой могучей страсти. Много, много лѣтъ здравствовать Хозяину—Охотнику—Человѣку.

Князь Д. М. Голицынъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

